

**Министерство образования Российской Федерации
Восточно-Сибирский государственный технологический
университет
Институт устойчивого развития**

С.М.Соколов

**ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
ЕВРАЗИЙСТВО**

Улан-Удэ 2003

УДК 141(470)

ББК 87.3(2)

С 594

Научный редактор: **Янгутов Л.Е.** доктор философских наук, профессор

Рецензенты: **Дамбуев Я.А.** кандидат философских наук, доцент

Дарибазарон Э.Ч. кандидат философских наук

Соколов С.М. Философия русского зарубежья: евразийство: Монография.

С 594 - Улан-Удэ, Изд-во ВСГТУ. – С.

ISBN 5-89230-153-2

Монография С.М.Соколова посвящена оригинальному и самобытному явлению русской философии зарубежья – евразийству. Проблема евразийства на рубеже веков в силу объективно наметившейся многополюсности снова стала обсуждаема учеными и политиками. Выделены наиболее актуальные для современной социокультурной ситуации концептуальные положения Н.С.Трубецкого, П.Н.Савицкого и других лидеров евразийства. Социально-философская проблематика евразийства рассматривается в контексте русской мысли зарубежья, выявлена идейная близость евразийцев и других представителей русской философии. Определен созидательный потенциал евразийского учения о культуре, государстве. Монография рассчитана на преподавателей философии, политологии, социологии, культурологии, аспирантов и студентов.

ISBN 5-89230-153-2

ББК 87.3(2)

© Соколов С.М., 2003 г.

© Изд-во ВСГТУ, 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел первый «Социально-философская проблематика евразийских трудов».....	14
Раздел второй «Восток в евразийской мысли».....	33
Раздел третий «Евразийская концепция культуры»..	55
Раздел четвертый «Основы евразийского учения о государстве».....	79
Раздел пятый «Современное евразийство».....	97
Заключение	127

Научное издание

Соколов Сергей Макарович

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ЕВРАЗИЙСТВО

Редактор **Т.А.Стороженко**

Подписано в печать 12.08.2003г. Формат 60x84 1/16. Объем в усл.п.л. 7.9, уч.-издл. 7.0. Тираж 400 экз. Печать опер., бум. писч. Гарн. Times.

Издательство ВСГТУ. г.Улан-Удэ, ул.Ключевская, 40 в.

Отпечатано в типографии ВСГТУ. г.Улан-Удэ, ул.Ключевская, 42.

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в современной жизни России качественные изменения, поиски новой социально-экономической ориентации, способной вывести страну из тупикового положения, выдвинули на первый план вопрос о путях развития России и ее будущем. Попытки ответить на этот вопрос неизбежно обращают внимание к прошлому опыту. По словам В.В.Толмачева, «сегодня российский мыслитель находится на распутье: он вынужден либо эклектично соединять в своего рода компендиуме новомодные направления, развиваемые зарубежными коллегами, либо в собственной истории и культуре искать момент заброшенного старта. Отсюда неизбежность переосмысления всего богатого наследия русской философии»[1].

Самобытной частью этого наследия является идеология евразийства, которая до относительно недавнего времени была малоизвестной. Возникшее в начале двадцатых годов в среде русской эмиграции и объединившее философию, историю, географию, экономику, психологию и другие области знания, евразийство явилось новым и в то же время достаточно традиционным для России течением мысли. Наиболее известными евразийцами были: лингвист, филолог и культуролог кн. Н.С.Трубецкой; географ, экономист и геополитик П.Н.Савицкий; философ Л.П.Карсавин; религиозные философы и публицисты Г.В.Флоровский, В.Н.Ильин; историк Г.В.Вернадский; музыковед и искусствовед П.П.Сувчинский; правовед Н.Н.Алексеев; экономист Я.Д.Садовский; критики и литературоведы А.В.Кожевников(Кожев), Д.П.Святополк-Мирский; востоковед В.П.Никитин; писатель В.Н.Иванов.

«Интересно, - подчеркивает С.Ключников, - что евразийство реализовало провозглашенную в своем названии программную установку даже самим характером собственной географии, распространившись в целом ряде стран и европейского, и азиатского континентов. Оно имело несколько наиболее крупных центров в Софии, Праге, Берлине, Белграде, Брюсселе, Харбине и Париже, активно и с успехом занимавшихся издательской и лекционной деятельностью. Помимо распространения в славяноязычной и романо-германской среде евразийские идеи проникали и в англоязычный мир – в Англию(благодаря деятельности жившего там Д.П.Святополка-Мирского) и в США(после переезда туда Г.В.Вернадского и Н.Н.Алексева)»[2].

По общему мнению исследователей, евразийство было оригинальным движением, имеющим свои философские корни и свою идеологию. Определены основополагающие идеи евразийства как историко-культурной концепции: идея о России как Евразии – особом этнографическом мире со своей самобытной культурой, идея об особом месте России-Евразии в мировой истории и особых путях ее развития; идея культуры как симфонической личности; идея распространения Церкви, Православия. С самого начала деятельности евразийских организаций главной целью стала идеологическая пропаганда на страницах изданий основанных ими печатных органов.

Евразийцы оставили большое литературное наследие, которое в последние годы находит все большее количество читателей. Ранее недоступные источники сейчас начинают входить в широкие массы. В настоящее время это учение оценивается как определенный этап в развитии русской мысли. Евразийская доктрина особенно ценна тем, что, кроме философии и истории, объединяла в себе различные области знания. Осмысление этого наследия привело к появлению неоевразийства,

постевразийства, представленного в последнее десятилетие довольно многочисленными публикациями в виде монографий, статей (научных и публицистических). Среди них особое место занимают работы Л.Н.Гумилева, называвшего себя «последним евразийцем».

Второе рождение евразийства, повышенный интерес к нему связан с рядом причин, главными из которых являются: распад Советского Союза, социально-экономическая ситуация, похожая на пореволюционную обстановку в России, вопросы современной геополитики, неозападничество и неославянофильство и др. Этим определяется актуальность современного резонанса евразийства, обсуждения его идеологии, в целом так называемого евразийского бума. В контексте ведущихся сегодня культур-философских споров о «судьбе России», осложнения социально-политической и этнополитической обстановки, известной межэтнической напряженности в отдельных регионах, процессов «национального возрождения» особенно актуальным становится продолжение осмысления наследия евразийцев, их пророческих «предчувствий», а также неоевразийская интерпретация прошлого, настоящего и будущего России.

Широкое обсуждение проблематики евразийства было начато в начале девяностых годов: состоялись научно-теоретические конференции, международные colloquia, «круглые столы». На страницах журналов «Вопросы философии», «Философские науки», «Общественные науки и современность», «Свободная мысль» и др. развернулись дискуссии, в ходе которых давались часто противоположные оценки философских, идеологических основ евразийской концепции прошлого, настоящего и будущего России – Евразии. Это отразилось в публикациях журналом «Иностранная литература»(№ 12, 1994) материалов «Круглый стол: «Евразийская идея: вчера, сегодня, завтра». В 1995 г. «Социально-политический журнал» (№1) опубликовал материалы «Круглый стол:

«Евразийский союз: идея, проблемы, перспективы (О проекте развития постсоветского общества)». Наиболее широким и авторитетным составом участников отличался «Круглый стол: Евразийство: за и против, вчера и сегодня». Его материалы, также опубликованные в 1995 г. в журнале «Вопросы философии»(№№1-5), показали, что диапазон мнений по обсуждаемым вопросам достаточно широк.

За последние годы в научных и других периодических изданиях опубликован ряд статей, связанных с повышенным вниманием к евразийской тематике, с «евразийским бумом». Имеется серия специальных статей В.Н.Топорова, А.В.Соболева, И.А.Савкина, С.С.Хоружего, посвященных основоположникам евразийства[3]. Среди них выделяется статья В.Н.Топорова, в которой дается высокая оценка деятельности и трудам Н.С.Трубецкого и подчеркивается, что обозначенные им «более чем полвека назад евразийские культурно-исторические и этноязыковые горизонты и сейчас остаются, по сути дела, последним словом, тем заветом и той великой идеей, которая призывает к упорной работе»(с.69). Представляют большой интерес публикации С.Ключникова и В.Кожина в журнале «Наш современник», в которых обращается внимание на антизападные взгляды евразийцев[4]. Следует отметить, что в 1991 г. один из номеров религиозно-философского журнала «Начала» был полностью посвящен евразийству, его истории и идеологии.

В работах Л.И.Новиковой и И.Н.Сиземской, анализируются концептуальные положения евразийского учения и особенно внимательно рассматриваются актуальность основных положений политической доктрины, проекты преобразования России, нетрадиционность евразийского анализа традиционных для русской мысли проблем[5]. В составленные затем ими две антологии «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн» и «Мир России – Евразия» были включены наиболее важные

работы интеллектуальных вождей евразийского движения: Н.С.Трубецкого (1890-1938), П.Н.Савицкого (1895-1965), Л.П.Карсавина (1882-1952), Г.В.Флоровского (1893-1979), Н.Н.Алексеева (1879-1964) и некоторых других его участников[6]. Знакома читателя с историей и сущностью евразийства, составители этих антологий обращают внимание на то, что «евразийство имело сравнительно недолгую историю. Оно просуществовало немногим более десяти лет. Но в евразийский соблазн впало немало талантливых людей, хотя отношение к евразийству в целом было далеко не однозначным»[7].

С 1989 г. исследовательская литература стала обогащаться публикациями, в которых был представлен анализ отдельных аспектов евразийской концепции. Так, например, среди ряда статей И.А.Исаева следует выделить работу, в которой рассматривается геополитическая доктрина, философия власти евразийцев и евразийство причисляется к «сменовеховскому» движению. Некоторым положениям геополитической концепции евразийства была посвящена статья Т.Н.Очировой[8]. Из появившихся в 1999 году публикаций по евразийству выделяется статья С.Н.Пушкина «Евразийские взгляды на цивилизацию», рассматривающая всесторонность обоснования понятия «евразийская цивилизация». По мнению автора, изучение идей мыслителей начала века позволит более глубоко и всесторонне оценить во многом схожие концепции конца века[9]. Особое место в литературе последних лет занимают специальные монографии, посвященные русскому зарубежью. К ним относится, в частности, исследование В.Т.Пашуто «Русские историки-эмигранты в Европе», в котором переосмысливается роль эмиграции в отечественной истории, а евразийство характеризуется как наиболее значительное из пореволюционных эмигрантских течений[10].

Одним из последних вкладов в литературу является сборник лучших работ крупнейших представителей евразийства, составленный С.Ключниковым с его вступительной статьей «Восточная ориентация русской мысли» и ценными примечаниями В.Кожина, а также с обширной библиографией евразийской литературы[11]. В 1997 году была издана книга «Исход к Востоку» с развернутой вступительной статьей одного из крупных отечественных индоевропеистов, профессора МГУ О.С.Широкова, посвященной проблеме этнолингвистических обоснований евразийства. Подчеркивая всесторонность анализа историко-географических и культурно-этнографических данных авторами «Исхода к Востоку», О.С.Широков отмечает, что в этом анализе «было много блестящих догадок и гениальных предвидений, которые могут показаться пророчествами современному русскому читателю»[12]. Вместе с тем, по мнению ученого, этнолингвистические обоснования евразийства требуют переосмысления и дополнения в свете современных научных концепций и новых открытий.

Сравнительно рано евразийство стало предметом специальных исследований зарубежных ученых. Указания на это имеются в работе П.Н.Савицкого "В борьбе за евразийство". Говоря о том, что с 1922 г. "в русской и иноязычной печати появилось несколько сот статей, рецензий и заметок о евразийстве", П.Н.Савицкий отмечает, что "не все они были для нас доступны"[13]. В современной печати только в 1992 году в религиозно-философском журнале «Начала» был опубликован фрагмент докторской диссертации немецкого историка О.Босса. В 1993 году в «Вопросах философии» появилась публикация большой статьи Л.Люкса «Евразийство». По мнению обоих исследователей, во-первых, евразийство не было случайным направлением в русском зарубежье, а явилось реакцией, вызванной тревогой эмиграции за судьбу России; во-вторых, оно было

наиболее интересным и самобытным течением русской мысли послереволюционных лет. Л.Люкс, в частности, обращает внимание на то, что, в отличие от большинства эмигрантов, воспринимавших русскую катастрофу, только как катастрофу, «идеологи евразийства видели в трагедии революции и гражданской войны глубокий исторический смысл. Им казалось, что неслыханные испытания, выпавшие на долю России, ставят ее решительно выше Западной Европы». Он подчеркивает, что привлекательность их доктрины состояла «в соединении завораживающей эмоциональности с научностью»[14].

Указанные и другие статьи, монографии дают представление о возникновении в начале двадцатых годов в среде «первой волны эмиграции» общественно-политического и идейного течения русской интеллигенции, вошедшего в историю как евразийство, прослеживают основные этапы его развития, оценивают его проблематику и идеологию[15]. В настоящее время в научный оборот входят все новые материалы и источники по евразийству, появляются републикации зарубежных изданий. В связи с этим в последние годы расширяются возможности всестороннего изучения евразийского учения. Так, все большее внимание привлекают геополитические взгляды евразийцев и, прежде всего, П.Н.Савицкого. Он признан не только вождем этого направления, но и основоположником русской геополитики.

Для исследования евразийства и неоевразийства большую ценность представляют работы А.С.Капто, Н.Н.Алеврас, В.Я.Пашенко, Б.С.Ерасова, А.Г.Дугина, А.С.Панарина, Г.А.Югая, посвященные наиболее важным вопросам нынешних культур-философских споров о судьбе России[16]. В частности, А.С.Панарин анализирует два возможных сценария: «атлантический» – вхождение России в общеевропейский дом, и «евразийский» – освоение страной самобытной цивилизационной модели,

подчеркивает: «Поиски евразийского единства, евразийской идентичности могут стать толчком для нового подъема гуманитарных наук и процессов их интеграции»[17].

Первой диссертационной работой, посвященной евразийству, стала диссертация Р.А.Урхановой «Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX в.». Автор рассматривает истоки евразийского учения, определяет место этого направления в истории русской мысли. Основное содержание исследования Р.А.Урхановой составляет анализ ключевой проблемы евразийской историософии «Восток-Запад-Россия», основ евразийской культурологии, этапов ее развития. Особое внимание уделяется критике западной культуры в евразийстве. Одним из выводов исследования является вывод о том, что «рефлексия по поводу извечной для русского сознания проблемы «Россия-Европа» важна для евразийцев не сама по себе», а имеет смысл в русле обоснования русского, культурного, религиозного, исторического своеобразия»[18].

В 1993 г. появилась диссертация А.Т.Горяева «Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект», в которой, по словам автора, в центр исследования сознательно выносился анализ концептуальных основ евразийства в целом, а не ее отдельных аспектов, представляющих социальный интерес. Анализ евразийства, как особого культурного явления в истории России, давался с учетом той значимости интересов, которую данная проблема приобретает в современных условиях[19].

Одним из последних исследований по евразийству стала диссертация А.И.Гарлика «Идеи евразийства в контексте современного развития России»[20]. Ее научная новизна заключается, прежде всего, в попытке автора раскрыть сущность евразийства в политическом аспекте, а

также в сопоставительном анализе евразийского, западно-либерального, славянского и славяно-евразийского видения перспектив развития России.

В целом, несмотря на обширность имеющейся отечественной литературы, всестороннее комплексное изучение социальной философии евразийства в России отсутствует. Еще не стала предметом специального, систематического изучения идеология неоевразийства, во многом развивающая традиции социально-философского мировоззрения лидеров евразийского движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Толмачев В.В.* Евразийский подход к национальному вопросу в контексте современности // *Этносоциальные процессы в Сибири.* – Новосибирск, 1998. – С. 60.
2. См.: *Русский узел евразийства. Восток в русской мысли.* – М.: Беловодье, 1997. – С. 9.
3. См.: *Топоров В.Н.* Николай Сергеевич Трубецкой – ученый, мыслитель, человек // *Советское славяноведение.* – 1990. - № 6; *Соболев А.В.* Князь Трубецкой и евразийство // *Литературная учеба.* – 1991. - № 6; Его же. Полюса евразийства. Л.П.Карсавин (1882 – 1952), Г.В.Флоровский (1893 – 1979) // *Новый мир.* – 1992. - № 1; *Савкин И.А.* Л.П.Карсавин // *Евразийство. Мысли о России.* – Агентство «Дайджест», 1992; *Хоружий С.С.* Карсавин и де Местр // *Вопросы философии.* – 1989. - № 5; Он же. Карсавин, евразийство и ВКП // *Вопросы философии.* – 1992. - № 2; Он же. Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала.* – 1991.-№3.
4. См.: *Кожин В.* Историософия евразийства // *Наш современник.* – 1992. - № 2; *Ключников С.* Русский узел евразийства // *Наш современник.* – 1992. - № 3.
5. См., н/р: *Новикова Л.И., Сиземская И.Н.* Евразийский искуc // *Философские науки.* – 1991. - № 12; Они же. Политическая программа евразийцев: реальность или утопия // *Общественные науки и современность.* – 1992. - № 1; Они же. Два лика евразийства // *Свободная мысль.* – 1992. - № 7.
6. См.: *Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн.* – М.: Наука, 1993; *Мир России – Евразия.* – М.: Высшая школа, 1995.
7. См.: *Россия между Европой и Азией,* с. 22.
8. См.: *Исаев И.А.* Геополитические аспекты тотальности: евразийство // *Тоталитаризм как исторический феномен.* – М., 1989; *Очирова Т.Н.*

Геополитическая концепция евразийства // *Общественные науки и современность*. – М., 1994. - № 1.

9. См.: *Пушкин С.Н.* Евразийские взгляды на цивилизацию // *Социальные исследования*. – 1999. - № 12. С. 24.
10. См.: *Пацуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992.
11. См.: *Русский узел евразийства. Восток в русской мысли*. – М.: Беловодье, 1997.
12. См.: *Исход к Востоку* /под ред. О.С.Широкова/. – М.: Добросвет, 1997. – С. 16.
13. См.: *Савицкий П.* Континент Евразия. - М.: АГРАФ, 1997. - С. 171.
14. См.: *Люкс Л.* Евразийство // *Вопросы философии*. – 1993. - №6.– С.105.
15. В 1926 – 1927 гг. было образовано большое количество евразийских организаций. В 1931 г. в Брюсселе состоялся первый общеевразийский съезд. Движение имело свое книгоиздательство, были основаны серии «Евразийские хроники», «Евразийские временники», газета «Евразия» и журнал «Версты».
16. См., н/р: *Дугин А.Г.* Конспирология. – М.: Арктогея, 1993.
17. *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе. – М., 1995.– С.254.
18. *Урханова Р.А.* Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX в. – Дис. ... канд. филос. наук. – М., 1992. – С.128.
19. *Горяев А.Т.* Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект. – Дис. ... канд. филос. наук. – М., 1993. – С. 13.
20. См.: *Гарлик А.И.* Идеи евразийства в контексте современного развития России. – Дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2000.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ «СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЕВРАЗИЙСКИХ ТРУДОВ»

В настоящее время, когда становится все более известной и широко доступной евразийская литература, признано, что «евразийство было не просто историософской школой, академически исследующей прошлое, но и геополитическим движением, претендующим на реальное живое участие в государственном устройстве России (хотя и отказывающимся считать себя политической партией), а также мощным культурным явлением»[1]. Как указывал сам П.Н.Савицкий: «Евразийцы – это представители нового начала в мышлении и жизни, это группа деятелей, работающих на основе нового отношения к коренным, определяющим жизнь вопросам, отношения, вытекающего из всего, что пережито за последнее десятилетие, над радикальным преобразованием господствовавших доселе мировоззрения и жизненного строя. В то же время евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или «евразийским»[2].

Евразийство прежде всего объединило в своем учении достижения социально-философской мысли и определило новое направление в ее развитии. Один из первых оценил это Н.В.Рязановский. По его словам, «хотя легко установить определенные соответствия между некоторыми евразийскими идеями и более ранними теориями, евразийское мировоззрение в целом, включая само понятие Евразии, поражает читателя, знакомого с историей русской мысли, исключительной новизной. Если попытаться ответить на сложный вопрос о том, откуда взялось евразийство, лучше всего сгруппировать влияющие на его появление факторы под тремя заголовками: ход мировой истории, развитие мысли как в России, так и

вообще в Европе, социальные и психологические обстоятельства»[3]. Возникновение евразийства было реакцией на революцию, на изменения, происходившие в Советской России. Сами евразийцы писали: «Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживается нами как поворотное, а не только переходное время. В совершавшемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис и ожидаем от наступающего – глубокого изменения привычного облика мира»[4].

Евразийцы приняли революцию и большевизм как свершившийся факт, как закономерность. Так, Н.С.Трубецкой в работе «Мы и другие», П.Сувчинский в статье «К преодолению революции» указывали на социальные предпосылки неизбежности революции, среди которых главным определялся: кризис в социально-политической и духовной сферах жизни российского государства. П.Сувчинский, подчеркивая, что революция не была неожиданной катастрофой, отмечал, что «было бы правильнее видеть в этом факте обнаружение глубокого всенародного процесса обнищания державного самосознания, корни которого протягиваются в исторические судьбы России XVIII и XIX веков»[5]. Кризис в духовной сфере был связан с тем, что, по словам Сувчинского, на русскую веру, культуру и быт было положено клеймо дикарства, варварства и обскурантизма, что славянофильство было почти изжито и «от него оставался лишь тяжелый псевдорусский стиль», что широкие круги русского общества стали «западнопоклонничать». Неоднозначно воспринималась социально-философская мысль К.Леонтьева, Вл.Соловьева и др. Своеобразное славянофильство К.Леонтьева многие считали уже анахронизмом. В этой статье П.Сувчинского, напечатанной в сборнике «Евразийский временник» в 1923 г., была обозначена социально-философская проблематика евразийского учения и обоснована ее важность.

Сувчинский писал: «Эмиграция, лихорадочно и беспорядочно занятая обличением революции, мало задумывается над проблемой действительно творческой реакции»[6]. Творческой реакцией явилось евразийское учение, которое выразилось в осмыслении судьбы и будущего России, целей религиозного строительства, государственного восстановления.

Н.С.Трубецкой в указанной выше работе, также напечатанной в «Евразийском временнике» в 1925 г., подчеркивал, что «большевизм есть движение разрушительное, а евразийство – созидательное», что евразийство идейно отталкивается от всего послепетровского, Санкт-Петербургского, императорско-обер-прокурорского периода русской истории. При этом он разъяснял, что евразийство отвергает не то или иное политическое убеждение «старых направленцев, а тот культурно-исторический контекст, с которым это убеждение сопряжено в сознании старых направленцев»[7].

П.П.Сувчинский и Н.С.Трубецкой выразили настроение той части эмиграции, которая, в отличие от других, поняла, что восстановление монархии в России уже невозможно, что старая Россия с ее государственностью и укладом жизни канула в вечность, что Европа перестает быть монополистом культуры. Для них стало очевидным, что в послереволюционной социальной и духовной ситуации, одной из главных становится проблема культуры как социального бытия человека. По словам Н.С.Трубецкого, «для евразийства самым важным являются именно изменения культуры, изменения же политического строя или политических идей без изменения культуры евразийством отмечаются как несущественные и нецелесообразные. Культура всякого народа, живущего государственным бытом, непременно должна заключать в себе как один из своих элементов и политические идеи или учения»[8]. П.Сувчинский подчеркивал: «Идеология должна стать методологией». Он был убежден в том, что потрясение революции сообщило России «величайший разгон,

зарядило ее стремительной и тяжелой инерцией, одновременно злой и положительной. Реакция должна это движение подхватить и динамически утвердить себя»[9].

Евразийский анализ событий двадцатых годов определил актуальные социально-философские аспекты новой идеологии, обозначенные в коллективном манифесте «Евразийство(опыт систематического изложения)», важном для понимания евразийского мировоззрения. Этот программный документ открывался разделом «Вред ложных идеологий и жизненная необходимость истинной идеологии», в качестве ложных идеологий называлась идеология «всякого рода реставраторов», стремящихся к будущему, которого не будет, идеология сменовеховства. Подчеркивалось, что сменовеховцы не сумели противопоставить коммунистическим декламациям что-нибудь новое, жизненное и ясное. Пророческим оказалось восприятие евразийцами коммунистической идеологии, как не просто ложной, но и опасной. Она, «покоящаяся на пламенной, но критически не проверенной, наивной и ошибочной вере коммунистов, - второй пример опасностей, сопряженных с абстрактной идеологией». Идеология коммунизма, по словам евразийцев, представляет собой попытку «предвидеть будущее, которое никому не известно и менее всего предвидится коммунистами»[10].

В своем манифесте евразийцы раскрывают понимание сущности «истинной идеологии». Она должна быть прежде всего органично связана с конкретной жизнью, она не может отрицать конкретную действительность и противоречить ее существу. «Истинность» евразийцами определяется социально-философской ориентацией: «Ведь истинная идеология, осуществляясь и требуя своего осуществления в полноте жизни индивидуума, многих индивидуумов, общества, уже как бы предсодержит в себе жизненные стихии конкретной деятельности»[11]. Авторы манифеста

подчеркивают, что эмпирические выражения такой идеологии связаны с развитием, конкретизацией системы идей, которые в конечном счете должны преобразовывать жизнь. Сейчас снова стало актуальным заключительное заявление этого раздела евразийского манифеста: «В нашу эпоху, наоборот, жизнь определила идеологию и властно требует идеологического осмысления и оправдания. Занимающаяся у нас в России заря новой жизни – заря новой философской эпохи»[12]. Согласно взглядам евразийцев эта эпоха требует нового мировоззрения, видения того, что прежде оставалось в тени, переоценку старого и в связи со всем этим новую терминологию. Необходимость и важность нового мировоззрения связывалась с упадком великих философских систем XIX в. Последнее, по мнению евразийцев, привело к кризису науки и научного мирозерцания, который выразился в попытках «объяснить все явления по типу механических связей».

Центральным понятием евразийской идеологии и мировоззрения стало понятие личности, которая определялась как «единство множества и множество единства». Тем самым не признавалась европейская традиция понимания личности как индивида, как самодостаточного социального атома. Важным для понимания сущности социально-философской доктрины является следующее разъяснение евразийцев: «Вместе с тем мы признаем реальностью не только индивидуальную личность (которая по существу – то своему вовсе не только «индивидуальная»), а и социальную группу, и притом не только «сословие» и «класс», как это делают и марксисты, но и народ, и субъект культуры (например, культуры русско-евразийской, охватывающей многие народы, культуры европейской и т.д.), и человечество»[13]. Учение о личности (просопология) стало важной частью евразийской доктрины и определило новую терминологию. Евразийцы ввели в широкий научный оборот термин «симфоническая» личность,

который следует признать более точным и удачным по сравнению с употреблявшимся в русской философии - "соборная" личность.

Философия симфонической личности, наиболее полно представленная в труде Л.П.Карсавина «О личности», по словам С.Хоружиего, «важнейшее, что внес Карсавин в русскую традицию всеединства, равно как и в европейскую спекулятивную мистику»[14]. Это была прежде всего христианская философия личности. Карсавин подчеркивал, что для христианства личность "не есть что-то тварное и человеческое, но начало – Божественное и само Божество"[15]. Назначение человека состоит в устремлении к Богу, в приобщении к полноте божественного бытия. Соотношение Божественной и тварной реальности определялось Карсавиным категориями «совершенство» и «несовершенство». Когда человеческая индивидуальность взаимодействует с окружающим миром, в нем возникает динамическое единство. На индивидуальное «личностное образование» Л.П.Карсавин назвал «симфонической личностью»: «Единый в своем времени и пространстве мир осуществляет свое личное бытие, по крайней мере в человечестве он, несомненно, - симфоническая всеединая личность или иерархическое единство множества симфонических личностей разных порядков, а в них и личностей индивидуальных»[16]. Человеческие сообщества: социальные группы, конфессиональные объединения и др. предстают как симфонические личности, т.е. социум представляет собой единство множества разного рода симфонических личностей. Утверждение вторичности, подчиненности индивида коллективу вызвало в свое время критическое замечание Н.Бердяева: «Учение о симфонической личности означает метафизическое обоснование рабства»[17]. Можно соглашаться или не соглашаться с такой оценкой, но очевидно, что социальная философия Карсавина была важной частью творческой реакции евразийства

на революцию, на новые общественные отношения в России, на славянофильскую традицию соборности, на особенность русского менталитета, не приемлющего чрезмерность западного индивидуализма.

Для современников евразийства непривычным явились исходные основные положения их учения, изложенные в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку»(1921), вызвавшем серию откликов и полемику в социально-философской сфере. Прежде всего они были связаны со сформулированными в предисловии к сборнику такими утверждениями, как, например: «Мы не сомневаемся, что смена западноевропейскому миру придет с Востока», часто цитируемое: «Русские люди и люди народов «Российского мира» не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя - евразийцами»[18]. Неоднозначно воспринималось даже само название первой книги евразийцев. Оно сразу обозначило парадигму, в которой предлагалось обсуждение проблем, поставленных авторами «Исхода к Востоку». Само название, кроме традиционного для христианской культуры значения, воспринимаемое как намерение жить, не отрываясь от своих восточных корней, означало особую предначертанность исторического пути России и ее особую миссию. Абсолютно несомненной идеей была определена Евразия–Россия – «развивающаяся своеобразная культуроличность», которая, осуществляя себя, осуществляет общечеловеческую, «историческую миссию» и, как подчеркивали евразийцы, «притязает еще на то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур»[19].

Актуальность проблемы «Россия-Евразия» была связана и с тем, что за рубежом русская эмиграция могла увидеть Запад без прикрас. Это явилось решающим фактором того, что западничество потеряло свою привлекательность для интеллектуальной элиты русского зарубежья. По

общему мнению исследователей, евразийское учение стало в определенной степени и реакцией на разочарование Западом. Евразийцы обратились к поискам объединяющих, системообразующих факторов государственности, народности в географических, геополитических, этнокультурных началах, которые П.Н.Савицкий определил как «месторазвитие». В статье «Географический обзор России-Евразии» он указывал: «Категория «месторазвитие» обосновывает новую отрасль – геософию, как синтез географического и исторического начал...»[20]. Евразийское утверждение того, что каждый культурно-исторический тип может развиваться только в собственном месторазвитии, стало предметом обсуждения. В литературе не раз отмечается, что оппоненты евразийства обвиняли их в «географическом детерминизме», в «географическом материализме». Сами евразийцы рассматривали понятие «месторазвитие» прежде всего как категорию социально-философскую, позволяющую осознать национальное своеобразие, его различные формы, осознать судьбу России. Они были убеждены (на это обращают внимание все исследователи), что развитие России зависит от создания евразийской цивилизации.

Разъясняя сущность евразийской терминологии, П.Н.Савицкий подчеркивал: «Поскольку мы приписываем понятиям «Европа» и «Азия» также некоторое культурно-историческое содержание, поэтому обозначение «Евразии» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики»[21]. При этом в статье «Евразийство» П.Н.Савицкий, указывая, что евразийцы стали различать третий – «срединный материк – Евразию», - и от последнего обозначения получили свое имя», отмечает: «Необходимость различать в основном массиве земель Старого Света не два, как делалось доселе, но три материка не есть какое-либо «открытие» евразийцев, оно вытекает из взглядов, ранее высказывавшихся географами, в особенности русскими (напр. проф. В.И.Ламанским в работе 1892 г.).

Евразийцы обострили формулировку; и вновь «увиденному» материку нарекли имя – Евразия»[22]. На эту связь указывают современные исследователи. В частности, по мнению Н.И.Цимбаева, «прямым и непосредственным предшественником евразийской историософии был известный славист Ламанский, чьи работы конца прошлого века – чистое евразийство, свободное от переживаний коммунистической революции и Советской власти. Особый интерес представляет трактат Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка»[23]. Р.А.Урханова, А.Т.Горяев и другие отмечают, что взгляд на геотническую данность России – «месторазвитие» восходит к С.М.Соловьеву, В.С.Соловьеву, В.О.Ключевскому, В.И.Вернадскому и др., что к мыслителям, которые духовно подготовили приход евразийства, принадлежит и К.Леонтьев.

Сами евразийцы в своих работах указывали, что в целом ряде идей они являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления. В то же время, например, П.Н.Савицкий, с глубоким уважением отзываясь о предшественниках: «Такие пролагатели путей евразийства, как Гоголь или Достоевский, но также иные славянофилы и примыкающие к ним, как Хомяков, Леонтьев и др., – подавляют нынешних «евразийцев» масштабами исторических своих фигур», далее подчеркивает: «Но это не устраняет обстоятельства, что у них и у евразийцев в ряде вопросов мысли те же и что формулировка этих мыслей у евразийцев в некоторых отношениях точнее, чем была у их великих предшественников»[24].

Вопрос об идейных, философских истоках евразийского учения в целом остается сложным и недостаточно изученным. Одной из причин этого является, в частности, то, что историософская, социально-философская мысль Гоголя, Достоевского не стала широким достоянием. Наследие К.Леонтьева стало предметом специальных исследований в

недавнее время. Социально-философская проблематика евразийских работ лучше осмысленна и понятна в контексте взаимоотношений с такими мыслителями, получившими более широкую известность и признание в России и русском зарубежье, как: Н.А.Бердяев, Г.П.Федотов, И.А.Ильин, С.Л.Франк, П.Б.Струве, Ф.А.Степун и др. Труды же этих крупнейших русских мыслителей, оказавшихся за пределами своей Родины, в полном объеме еще не опубликованы. П.Н.Савицкий, Г.В.Флоровский неоднократно подчеркивали преемственность евразийства идеям П.Б.Струве[25]. Известно, что П.Н.Савицкий был его учеником, что П.Б.Струве не соглашался с некоторыми позициями евразийства, например, с ярко выраженным антизападничеством. Взаимоотношения «веховцев» с евразийцами считаются частью общей проблемы преемственности и самоопределения главных направлений русской философии в эмиграции.

По общему мнению исследователей, евразийство стало одним из популярных движений в эмиграции. Эта популярность и значительность были связаны с верой евразийцев в то, что с помощью «истинной идеологии» Россия с ее самобытной историей и культурой станет великой державой. Определенную роль в этом играла и авторитетность интеллектуальных вождей евразийства, прежде всего таких ярких личностей, как Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Л.П.Карсавин[26]. Евразийство как самобытный, оригинальный и парадоксальный социокультурный феномен было созвучно времени социальных потрясений. Это выразилось в научных, философских, духовно-религиозных исканиях основоположников движения. В своих трудах они не раз подчеркивали, что основу евразийского мировоззрения составляло представление о том, что европейская цивилизация чужда России, так как Россия ни Европа, ни Азия, а особый мир.

Один из первых исследователей евразийства мюнхенский профессор О.Босс, указывая на то, что исторические построения евразийцев испытали определенное влияние гегельянства, писал: «Евразийцы различали три этапа мировой истории, которые следуют друг за другом, как тезис, антитезис и синтез. Первая эпоха, для которой характерна примитивность техники, прошла под символом господства религии и этики над социологией. Вторая эпоха принесла максимальное увеличение и усложнение техники, господство разума над религией и этикой. Последним явлением этого периода стал марксизм. Третья, лишь находящаяся в стадии становления, эпоха синтеза должна наряду с дальнейшим техническим прогрессом вновь установить господство религии и этики над социологией... Евразийцы, конечно, были убеждены, что обширный синтез должен быть проведен не Европой, а Россией – Евразией»[27].

Н.С.Трубецкой в работе «Русская проблема», обращаясь к эмиграции, призывал: «Освободив свое мышление и мироощущение от давящих ее западных шор, мы должны внутри себя, в сокровищнице национально-русской духовной стихии, черпать элементы для создания нового мировоззрения. В этом духе мы должны воспитывать и подрастающее поколение». И далее он делает важное замечание: «Над нами, эмигрантами, не тяготит советская цензура, от нас не требуют, чтобы мы были обязательно марксистами. Мы можем думать, писать и говорить, что хотим»[28]. Н.С.Трубецкой подчеркивал: суть «русской проблемы» заключается в том, что русская интеллигенция в своей массе продолжает раболепно преклоняться перед европейской цивилизацией, смотреть на себя как на европейскую нацию, что существует угроза со стороны европейских держав. Евразийцы первыми поняли, что борьба Европы против России объясняется не идеологическими причинами, а прежде всего геополитическими. На это указывал, в частности, П.П.Сувчинский в статье

«Сила слабых»: «Не коммунистической только заразы боится Запад, когда пытается окружить Россию заставами». По его словам, Европа осознала, что итог русской революции определяется «не революционной энергией русского коммунизма, а историческим предопределением всего русского народа. Поняла, что на глазах у всех вырастает и крепнет прежняя Европейская провинция, с которой неминуемо придется сразиться»[29]. Залогом успеха в этой борьбе может стать, по мнению Н.С.Трубецкого, «азиатская ориентация».

Создание будущего облика России-Евразии (духовного, экономического, политического и социального) они связывали и с решением национального вопроса. Он был выделен особым разделом в программном документе «Евразийство. Опыт систематического изложения»(1927 г.) и сжато изложен в виде пяти ключевых пунктов, при этом подчеркивался такой аспект национального вопроса, как национальное самоопределение и отмечалось, что начала федерации и автономии евразийцы отстаивают в советском, а не в европейском их понимании.

Евразийцев можно считать основоположниками российской этнофилософии. Ее концепция была изложена в работах Н.С.Трубецкого «Общевразийский национализм», «Об истинном и ложном национализме» и др. Введенное в научный оборот Н.С.Трубецким определение евразийское «братство народов» приобретает новую актуальность в условиях современного социо- и этнокультурного пространства России. Н.С.Трубецкой и другие вожди евразийства уделяли большое внимание проблематике сферы этнонациональных отношений, связанных прежде всего с такими категориями современной социальной философии, как «национальное сознание», «этническое сознание». П.Н.Савицкий в «Повороте к Востоку» подчеркивал: «В современности сплетаются две проблемы. Одна затрагивает глубинные вопросы бытия и творчества

культуры; другая переводит слова идеологических обозначений на конкретный язык культурно-географической, культурно-исторической реальности»[30].

Известно, что предметом обсуждения стал в свое время и снова становится евразийский проект «наднационального строя на национальной основе». При этом в нем интегрирующая роль отводилась русскому народу, русской культуре, как наследнице евразийской культуры. Таким образом, вопросы культурного строительства в евразийском видении новой России заняли важное место. Общеизвестно, что евразийцы во многом явились продолжателями традиции русской философии культуры, первоначально связанной с полемикой славянофилов и западников о путях развития отечественной культуры, а затем синтезировавшей в трудах Данилевского, Розанова, Бердяева достижения западноевропейской мысли с потребностями социального и духовного развития России. Вместе с тем их работы определили теорию и методологию русской философии культуры, ориентированную на выявление закономерностей модифицирования культуры в этносоциальном пространстве России и историческом времени. Известно, что на рубеже XIX-XX вв. и особенно в начале XX в. стало широко обсуждаться соотношение культуры и политики, культуры и революции, получила развитие теология культуры Флоренского, для которого понятие «культура» определялось понятием «культ». Ленинская теория «двух культур» провозглашала производность культуры от классовой идеологии. Творческой реакцией на развитие философии культуры в условиях нового времени явился поиск социокультурных координат. В трудах крупнейших евразийцев свое развитие получило учение о культурных типах Н.Я.Данилевского и «поправки» К.Леонтьева. При этом, как отмечалось, интеллектуальные вожди движения подчеркивали влияние взглядов К.Леонтьева. Определяющими для них

стали его «поправки» о том, что культурные типы не связаны с одним этносом, что в какой-то исторический период «человечество легко может смешиваться в один общий культурный тип»[31]. В евразийской литературе было сформулировано ставшее предметом дискуссий представление о Евразии как отдельном культурно-историческом типе. Исходя из своего взгляда на этническую историю России-Евразии, авторы «Исхода к Востоку» расширили рамки славянского культурно-исторического типа. Основу евразийского мировоззрения определило представление о России как православно-мусульманско-буддистской стране.

Евразийцы развили идеи К.Леонтьева о том, что в создании культурного типа главное значение приобретает государство, объединяющее в политическом единстве этносы и нации; что Россия способна к культурно-историческому творчеству – созданию самобытной цивилизации. Авторы «Исхода к Востоку» подчеркивали, что евразийская культура рождает государство особого типа. Учение о государстве явилось важной частью евразийской доктрины. В последнее время оно все больше привлекает внимание и представляет большой интерес. Будущее России–Евразии евразийцы связывали прежде всего с формированием идеократического государства. Они предложили свою философию власти. Евразийская абсолютизация государства, объемлющего все сферы жизни, идея о «правлящем слое» – носителе «истинной идеологии», вызвала критику, в частности, со стороны Н.А.Бердяева. Она прозвучала в статье «Утопический этатизм евразийцев», опубликованной в 1927г. Современная теоретическая политология, занимаясь изучением многомерности власти, особенностей политико-цивилизационного развития России, большое значение придает политической и гуманитарной элите[32]. В свете этого приобретает актуализацию евразийское представление о власти.

Учение о государстве отличалось широтой и многообразием вопросов, поставленных и решаемых в контексте концепций: Россия-Евразия как историко-культурная личность и геополитическая личность. Они были отражены в основном программном документе «Евразийство(опыт систематического изложения)», в специальных разделах: «Церковь и государство как формы личного бытия и их взаимоотношения», «Проблемы перехода и ближайшего будущего», «Проблематика новой России». Так, в качестве одной из важных и сложных проблем рассматривалась проблема «Церковь и государство». Воинствующему атеизму советской власти евразийцы противопоставили убеждение в том, что сила государства в силе религии. Обосновывая независимость Церкви от государства, они подчеркивали, что европейское отрицание связи между государством и Церковью неприемлемо и утверждали важность религиозно-нравственного примата Церкви. Взгляды евразийцев на институты законодательной, исполнительной власти, институты права, собственности и т.д., сформулированные в этом коллективном манифесте, в более полной форме были раскрыты в таких статьях Н.С.Трубецкого, как, например, «О государственном строе и форме правления», «Идеократия и армия», «Идеократия и пролетариат», «Об идее - правительнице демократического государства»; Н.Н.Алексеева «Евразийцы и государство», «Советский федерализм», «Народное право и задачи нашей правовой политики»; П.Н.Савицкого «К вопросу об экономической доктрине евразийства» и др., опубликованных в евразийской периодике. Эти работы свидетельствуют о том, что евразийцы предчувствовали особую актуальность вопросов государственности в будущем.

В целом социально-философскую проблематику евразийских трудов объединяла идея об отличии России-Евразии от Запада и о том, что

ее стратегические интересы должны быть ориентированы антизападно. Само положение евразийцев давало возможность объективно оценивать «вечную» антитезу Россия – Запад. Как писал их современник Г.П.Федотов в работе «Россия, Европа и мы»: «Русская эмиграция судьбой и страданием своим поставлена на головокружительную высоту. С той горы, к которой прибило наш ковчег, нам открылись грандиозные перспективы: воистину «все царства мира и слава их» - вернее их позор. В мировой борьбе капитализма и коммунизма мы одни можем видеть оба склона – в Европу и в Россию: действительность как она есть, без румян и прикрас. Мы на себе, на своей коже испытали прелесть обеих хозяйственных систем. Кажется, будто мы и призваны быть беспристрастными свидетелями на суде истории»[33].

Социально-философские изыскания в трудах евразийцев нашли искренний отклик в русской мысли зарубежья, вызвали оживленную полемику. Ей была посвящена статья П.Н.Савицкого "В борьбе за евразийство". Он отмечает, что первый сборник работ евразийцев вышел в свет в начале августа 1921 г. и первые статьи о евразийстве были напечатаны в начале сентября того же года, причем "рецензии имели скорее характер приветствий, чем критики". С конца сентября, по словам П.Н.Савицкого, "стал складываться антиевразийский фронт в эмигрантской печати". В числе критиков были такие крупные мыслители, как Н.А.Бердяев и его оппоненты по "Вехам" - П.Н.Милюков, С.И.Гессен, а также Г.П.Федотов, Ф.А.Степун. В частности, Ф.А.Степун, один из самых заметных представителей так называемого "пореволюционного сознания", признавая заслуги евразийцев, указывал: "Весьма сомнительной представляется в идеологии евразийцев лишь тенденция туранизации России и уже явно неверным понимание Петровской эпохи, породившей изумительный расцвет русской культуры: от Ломоносова и Пушкина до

Толстого, как "горького романо-германского ига"[34]. В конце двадцатых годов в лагерь оппонентов перешли бывшие соратники - П.М.Бицилли, Г.В.Флоровский. Критическая литература появилась в чешской, польской, романо-германской печати. Обобщая сложившуюся обширную литературу П.Н.Савицкий указывает, что "можно различить несколько видов направленной на евразийство критики, а именно критику: антирелигиозную, антиправославную, антивосточную, антирусскую, антиэтническую, антиидеократическую, антиэтатическую, антифедералистическую, антиавтаркическую, антисистематическую" и делает совершенно справедливый вывод: "Мы полагаем, что разнообразием отрицаний тем ярче подчеркивается объем положительных содержаний, заключающихся в евразийстве"[35].

В настоящее время сохраняется неоднозначное отношение к евразийству, но признается, что в истории русской мысли оно явилось особым многоаспектным социокультурным феноменом. По словам А.Г. Дугина, после периода "чисто теоретических философских и геополитических изысканий наступает время конкретизации отдельных аспектов евразийской (неоевразийской) доктрины применительно к насущным проблемам современной России"[36]. В нынешней этносоциальной и духовной ситуации наиболее важными становятся: так называемая восточная проблематика, основы евразийского учения о культуре и государстве, оказавших и оказывающих влияние на развитие современного гуманитарного знания и мировоззрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Русский узел евразийства, с. 9.
2. Там же, с. 78.
3. См.: *Рязановский И.В.* Возникновение евразийства // Звезда. – 1995. -№5. – С. 16.
4. См.: Мир России – Евразия, с. 23.
5. См.: *Сувчинский П.* К преодолению революции // Наш современник. – М., 1992. - № 2. С. 154.
6. Там же, с. 155.
7. См.: *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Наш современник. – М., 1992. - №2. – С. 162.
8. Там же, с. 162.
9. См.: Указ. ст. П.Сувчинского, с. 158.
10. См.: Мир России – Евразия, с. 233-234.
11. Там же, с. 237.
12. Там же, с. 238.
13. Там же, с. 240.
14. См.: *Хоружий С.* Жизнь и учение Льва Карсавина // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. – М., 1992.
15. См.: *Карсавин Л.П.* О личности // Религиозно-философские сочинения, с. 30.
16. Там же, с. 99.
17. *Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека. – Париж, 1972. – С. 30.
18. См.: Мир России – Евразия, с. 26.
19. Там же, с. 259.
20. Там же, с. 227.
21. См.: Русский узел евразийства, с. 78.
22. См.: Мир России – Евразия, с. 84.

23. См.: Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. – 1995.- № 5. – С. 16.
24. См.: Мир России – Евразия, с. 86.
25. См.: *Флоровский Г.* Письмо к П.Б.Струве о евразийстве // Русская мысль. – 1992. - № 1 / 2.
26. Это признавал, в частности, один из основателей и редакторов журнала "Новый град", выходявшем в Париже в 30-е годы, Ф.А. Степун: "группа создателей и вождей евразийства состояла из весьма талантливых людей, равных которым среди главарей других политических организаций найти нелегко". См.: Степун Ф.А. Чаемая Россия. – СПб., 1999. - С. 391.
27. См.: *Босс О.* Учение евразийцев // Начала. – 1992. - № 4. – С. 94.
28. См.: Россия между Европой и Азией, с. 58.
29. См.: Исход к Востоку, с. 55.
30. См.: Мир России – Евразия, с. 55.
31. См.: *Леонтьев К.* Избранное. Письма. 1854-1891. – СПб.: - Пушкин. фонд, 1993. – С.552.
32. См.: Философия власти. – М.: - Изд-во МГУ, 1993. – С. 144-150.
33. См.: *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. – СПб.: – София, 1992. –С.3.
34. См.: *Степун Ф.А.* Чаемая Россия, с. 394.
35. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с.172.
36. См.: Евразийство: теория и практика / Программные документы Общероссийского Политического Общественного Движения ЕВРАЗИЯ / - М.: Арктогея Центр, 2001. - С.69.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ «ВОСТОК В ЕВРАЗИЙСКОЙ МЫСЛИ»

Одной из основных идей социальной философии евразийцев была мысль о том, что любое общество способно развиваться только на особенной, самобытной основе. Продолжая традицию поисков культурно-исторического своеобразия России в русле противопоставления России и Европы, заложенную славянофилами, евразийцы судьбу России связывали с осознанием истоков национальной самобытности. Но если славянофилы, развивая идею гегелевской философии об исторических и неисторических народах, идеализировали славянскую, русскую старину, то лидеры евразийства своеобразие русского типа цивилизации связывали прежде всего с ее восточными корнями. В трудах крупнейших евразийцев свое решение получила проблема Россия – Восток. Как выше отмечалось, символичным стало название программного труда евразийцев «Исход к Востоку», в котором много внимания уделяется обоснованию восточных корней евразийской культуры, государственности, по-новому рассмотрена роль татаро-монгольского ига.

Евразийцы, как и славянофилы, подчеркивали, что нельзя считать Россию «отсталой частью Европы» или «развивающейся частью Азии». Она особая категория, особое «месторазвитие». В своих публикациях они не раз обосновывали эту новую категорию: Евразия и месторазвитие. Замена термином Евразия более привычных и распространенных обозначений «Россия Европейская» (Дюральская) и «Россия Азиатская» (Зауральская) вызывала у оппонентов евразийства возражения. Но эта формулировка относилась к одной из главных «точностей» евразийского учения. Так, «евразиец №1» – П.Н.Савицкий писал: «Скажут: изменение терминологии – пустое занятие. Нет, не пустое: сохранение названий России «Европейской

и Азиатской» (вместе с прилегающими к ней странами) не согласуемо с пониманием России как особого исторического мира, как мира целостной евразийской культуры, в разнообразии ее отраслей»[1]. Как географический мир он совпадал с пределами СССР.

Понятие «Евразия» стало обозначать историческую парадигму, особую цивилизационную сущность. Оно требовало анализа и выявления внутреннего содержания евразийской природы России. Особое цивилизационное образование у П.Н.Савицкого определялось через главный признак – срединность. Так, его работа «Географические и геополитические основы евразийства» начинается словами: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «Срединным государством». Срединность определяет важность для России культуры Востока и культуры Запада. Срединность определяет корни евразийской культуры. Эти корни «в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различных рас»[2].

Вожди евразийства много писали о духовной близости России к Азии. Наиболее известной и значительной явилась работа Н.С.Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре», в которой на основе анализа языка, музыки, устной поэзии, обычного права и религии выделены общие черты туранского психологического типа. Его социальная и культурно-историческая ценность связывается с тем, что, по словам Трубецкого, типичный представитель туранской психики "характеризуется душевной ясностью и спокойствием". Они определяют отсутствие "разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом". Рассматривая роль туранских этнопсихологических черт в русском национальном облике, Н.С.Трубецкой указывает, что в общем эта роль была положительной[3]. После выхода этой работы евразийство стало

восприниматься как попытка философски обосновать «азиатский» облик России и связанную с этим ее уникальность.

Евразийцы по-новому посмотрели на этническую историю России. Это выразилось в идее Н.С.Трубецкого о синтетической природе русских. Она всегда в первую очередь привлекала внимание исследователей евразийства. Долгое время непривычным воспринималось положение о том, что русские – это не славяне и не тюрки, не арийцы и не азиаты, что из двух этнических компонентов – арийско-славянского и туранского появился уникальный синтез. В указанной работе, которая не раз становилась предметом критики, Трубецкой подчеркивал, что «если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе текла бы и туранская кровь, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев»[4]. В этом евразийцы были не одиноки. Например, в последнее время в работах, посвященных философам зарубежья, обращается внимание на то, что такой влиятельный современник, как Н.А.Бердяев, определяя национальные особенности русской души, признавал, что русский народ по своей душевной структуре народ восточный, что Россия – это христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада. Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента: "в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории - Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное"[5].

Достижением евразийского обоснования «туранского элемента» в истории России явилось то, что оно представляло собой синтез истории, этнографии, географии, геополитики. Евразийцы подчеркивали, что российское государство росло с расширением границ, прежде всего, восточных и южных. Об этом писал в своей еще доевразийской статье Г.В.Вернадский, один из главных авторов евразийской исторической концепции: «Русская история есть история общества, занявшего огромное пространство. Философия значения этого пространства в историческом процессе есть философия всей русской истории»[6]. В связи с этим следует отметить, что сын известного географа В.П.Семенов-Тянь-Шаньский, историк и критик евразийства, указывал, что «восточно-славянская колонизация белой расы, по подсчетам его отца, за время с конца XV по конец XIX века переселила с Европейского полуострова на восток Евразии 28% колонизационного потока белой расы, тогда как остальные 72% приходится на эмиграцию всех других народов Европы в Америку и другие части света; так как восточные славяне составляют 20,5% населения Европы, а остальные народы 79,5%, то из этого следует, что славянская колонизация с запада на восток за 400 лет шла интенсивнее, чем западноевропейская на запад и юг»[7]. По мере продвижения на восток менялся не только расово-антропологический, но и культурный облик русской нации. Но Вернадский подчеркивает, что «русская народность и русская культура, постоянно видоизменяясь, сохраняли все-таки основные черты»[8].

Проблемы историко-этнографического разнообразия населения России в свое время стали важными для областничества, в частности, в трудах А.П.Щапова. Он писал: «Когда мы говорим «история великорусского народа», то у нас прежде всего рождается вопрос: да будет ли то история великорусского народа, когда обзревая полный цикл фактов

ее исторической жизни, мы то и дело будем встречаться на площади русской земли с многочисленными разнообразными племенами финскими и турко-татарскими, которые доселе еще населяют целые области и сплошными массами пестреют среди русского народонаселения?» и подчеркивал, что «когда мы говорим: дух, характер, мирозерцание, идея русского или великорусского народа, то невольно представляется другой вопрос: да есть ли, образовался ли единый, цельный тип великорусской народности, чтобы можно было об ней составить единичную, цельную, возможно полную и отчетливую ясную идею? Чистая ли славянская кровь течет в жилах великорусского народа? Не составляет ли он амальгаму или органическое порождение различных народных элементов?»[9].

Из приведенных рассуждений А.П.Щапова видно, что один из крупнейших сибирских историков-публицистов 60-70-х годов XIX века выдвинул задачу изучения истории и культуры России в рамках истории Евразии. Евразийцы же, прежде всего П.Н.Савицкий и Н.С.Трубецкой, пошли дальше, отдавая предпочтение восточным корням русского этноса и евразийской культуры. В их исследованиях акцентировалась роль «азиатского элемента» в судьбах России и «степной стихии» в развитии своеобразия культуры и продвижении русских на Восток. Эта «степная стихия», по словам П.Н.Савицкого, давала мироощущение «континента-океана»: «на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению моря, как равноправное хотя и полярное, противопоставлено единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний – тот же дух, то же ощущение континента»[10].

Евразийская интерпретация русской истории до сих пор вызывает споры и различное отношение к ней. Особенно это касается анализа татаро-монгольского ига на Руси, евразийского осмысления «наследия

Чингисхана». Одной из главных идей П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого, Г.В.Вернадского и некоторых других стала идея о том, что монголы положили начало единству Евразии и заложили основы ее государственности и политического строя. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока позволил Н.С.Трубецкому дать свой ответ на знаменитый вопрос древнего летописца «Откуда есть пошла Русская земля и како Русская земля стала есть?». Этот ответ связан с его глубоким убеждением в том, что в исторической перспективе Россия – преемница «великого наследия Чингисхана», что Киевская Русь, традиционно считавшаяся колыбелью русского государства, цивилизационно, геополитически была лишь разновидностью провинции Византии. Впервые была дана объективная оценка Чингисхана и указано на «неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создалось в исторических учебниках». Анализируя наследие Чингисхана, Н.С.Трубецкой подчеркивал, что в его империи евразийский культурный мир впервые предстал как целое. Работа «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», опубликованная в 1925 году, стала новым словом в исторической науке. В ней не раз подчеркивается, что «великий Чингисхан», завоевывая Евразию, государственно ее объединил, «совершил дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу»[11].

Такая оценка роли Чингисхана в русской истории вызвала резкую критику со стороны многих современников. В частности, Г.В.Флоровский, отошедший от евразийства, в работе «Евразийский соблазн» писал: «Для них именно «монголы формировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя». И потому Россия в их сознании превращается в «наследие Чингисхана».

Россия есть переродившийся «московский улус...Соблазнительный и опасный, хотя, может быть, неясный и самим евразийцам смысл превращения России в «улус» и «наследие Чингисхана» заключается в сознательно-волевым выключении России из перспективы истории христианского, крещеного мира и перенесении ее в рамки судеб не христианской, «басурманской» Азии. В историософическом «развитии по Чингисхану» есть двоякая ложь: и крен в Азию, и еще более опасное сужение русских судеб до пределов государственного строительства»[12].

Другой современник, Н.Н.Аленников, также считал, что "русская государственность возникла именно благодаря тому, что она победила в конце концов татарскую государственность, а победила она ее только благодаря тому, что усвоила, наконец, византийский принцип единства власти"[13]. Отвечая на это, П.Н.Савицкий указывал, во-первых: "Евразийцы и не думают отрицать значения "византийского принципа", во-вторых: "Но вот в чем вопрос: почему Русь, в практике государственной жизни, оказалась невосприимчивой к этому принципу в XI-XII вв. и "усвоила" его, "наконец", в XV в.? - Не помогли ли здесь "византийскому принципу" те же татары?"[14]. Об этом писал также Н.С.Трубецкой, подчеркивая, что с православной Византией Россия была знакома задолго до татарского ига и что во время этого ига величие Византии уже померкло, что "византийские идеологии понадобились только для того, чтобы связать с православием и таким путем сделать своею, русскою, ту монгольскую по своему происхождению государственную идею, с которой Россия столкнулась реально, будучи приобщена к монгольской империи и став одной из ее провинций"[15].

Для исследователей в настоящее время стали хрестоматийными многие высказывания интеллектуальных вождей евразийства, связанные с монголо-татарским игом и ставшие главным объектом антивосточной

критики тогда и сейчас. В качестве примеров можно привести цитаты из статьи П.Н.Савицкого «Степь и оседлость»: «Прежде всего укажем следующее: без татарщины не было бы России», «Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, а не кому другому. Татары – «нейтральная», культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культы», - пали на Русь, как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «иранским фанатизмом и экзальтацией», ее испытание было бы многожды труднее и доля – горше. Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татары не изменили духовного существа России; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно-организующейся силы они несомненно повлияли на Русь»[16]. Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, позже Г.В.Вернадский подчеркивали, что Восток, в отличие от Запада, в татаро-монгольский период русской истории не проявлял агрессивной экспансии в область духовной жизни русского и других народов Евразии.

Остаются мало изученными труды крупнейшего историка зарубежья Г.В.Вернадского – сына выдающегося ученого В.И.Вернадского. Главные научные интересы Г.В.Вернадского были связаны с исследованием влияния Востока на русскую историю и культуру. Он внес свой большой вклад в евразийское решение этой проблемы такими крупными работами, как «Начертания русской истории», «Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени». Вслед за Н.С.Трубецким и П.Н.Савицким как историк Г.В.Вернадский обосновал евразийскую интерпретацию монгольского ига. Так, в статье «Два подвига св. Александра Невского»(1925г.) он подчеркивает: «Глубоким и гениальным наследственным историческим чутьем Александр понял, что в его историческую эпоху основная опасность для Православия и своеобразия

русской культуры грозит с Запада, а не с Востока, от латинства, а не от монголов. Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самое душу». Говоря о том, что латинство «было воинствующей религиозно системой», а монголы несли с собою законы «гражданско-политические», Г.В.Вернадский обращал особое внимание на то, что "основным принципом Великой Монгольской Державы была именно широкая веротерпимость, или даже более – покровительство всем религиям». Непривычным для многих современников явился вывод о том, что наследием подвига смирения Александра Невского по отношению к татаро-монголам «явилось великое Государство Российское»[17]. Как известно, за свой взгляд на этот драматичный период русской истории евразийцы получили даже прозвище «чингизханчики».

Евразийский анализ этого периода русской истории поражает глубиной и широтой. Критики «чингизханчиков» в прошлом и сейчас в интерпретации татаро-монгольского ига усматривают только попытки уничтожить традиционные представления о великом монголе. «Не замечались» указания на другие последствия ига. Разгром удельно-вечевой Руси и ее включение в монгольскую империю вызвали не просто острое чувство унижения национального самолюбия перед «величием чужой государственной идеи». Н.С.Трубецкой в «Наследии Чингисхана» пишет: «Началось интенсивное брожение и кипение, сложные душевные процессы, значение которых обычно недооценивается. Главным и основным явлением этого времени был чрезвычайно сильный подъем религиозной жизни. Татарщина была для Древней Руси прежде всего религиозной эпохой». Можно только согласиться с выводами о том, что иго осознавалось как божья кара за грехи, что личное покаяние, идеализация прошлого, его героев формировало у русского народа национальные идеалы, национальную идею государственного единства.

Исследования евразийцев, связанные с «монгольской» тематикой, большая часть русской интеллигенции восприняла не только как неверную, неудачную попытку философски обосновать «азиатский облик» России, а и как оскорбительную для русской истории. Но евразийские опыты «реабилитации роли Монгольской империи – опыты, которые вызвали и вызывают у многих резкие возражения, получили свое развитие. Исследования крупнейшего востоковеда академика В.В.Бартольда подтвердили точку зрения евразийцев. В 1925 году он одновременно с ними писал о ложном понимании и оценке Монгольской империи и с сожалением указывал, что «русские ученые следуют большею частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе»[18].

«Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» академика В.В.Бартольда расширил рамки методологии изучения фактов не только русской истории. Так, в своей работе «Улугбек и его время» он большое внимание уделяет значению «монгольского» периода в истории Старого Света и указывает: «В короткое время возникает не только сильная государственная власть, но и представление о мировом владычестве». Интересна яркая параллельная характеристика Тимура и Чингисхана. Важно указание ученого на то, что, несмотря на большое количество кочевых политических объединений, только монголы на короткое время объединили под своей властью культурные страны восточной и западной Азии; «может ли это совершиться еще раз, этого никто не знает. Монгольское владычество всем странам, где оно было, оставило в наследство большую политическую устойчивость, но в остальном его последствия были неодинаковыми». Важным и авторитетным остается утверждение академика В.В.Бартольда о том, что «первое время существования Монгольской империи было временем экономического и культурного

расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах караванной торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией». Выводы академика совпали с выводами евразийцев: «Несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, но и дальнейшим успехам русской культуры...»[19].

То, что вопрос о монголо-татарском иге и его результатах, поставленный евразийцами, снова рассматривается и современными исследователями, в частности в контексте трудов В.В.Бартольда, доказывает жизнеспособность идей Г.В.Вернадского, П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого. Хочется привести еще одно суждение Н.С.Трубецкого, связанное с этой темой: «Монгольское иго длилось более двух веков. Россия попала под него, еще будучи агломератом удельных княжеств, самостийнических, разрозненных, почти лишенных понятий о национальной солидарности и о государственности. Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и учить. А через двести с лишком лет Россия вышла из-под ига в виде может быть и «неладно скроенного», но очень «крепко сшитого» православного государства, спаянного внутренней духовной дисциплиной и единством «бытового исповедничества», проявляющего силу экспансии и вовне. Это был результат татарского ига, тот плод, по которому можно судить о вредоносности или благоприятности самого ига в судьбах русского народа»[20].

Знакомство с трудами евразийцев позволяет считать, что они заложили новую традицию изучения исторических фактов. Об этом свидетельствует, в частности, книга С.И.Валянского и Д.В.Калюжного «Явление Руси (Хронотрон. Версии мировой истории)», изданная в 1998

году, в которой доказательно опровергаются многие, казавшиеся незыблемыми, освященные академической традицией исторические представления. В предисловии к книге отмечается: «В XIX веке Императорская Академия наук дважды предлагала ученым ответить на вопрос о том, какие последствия произвело господство монголов в России. Ученые таких последствий не нашли. Почему?»[21]. Евразийцы таких последствий нашли много.

Излагая историю России, прежде всего монгольский период, в рамках истории Евразии, интеллектуальные вожди евразийства, как и академик В.В.Бартольд, дополнили ее новым элементом – развитием культуры в пространстве. Они убеждали, что «монголо-татарское» и шире вообще восточное вошло в плоть и кровь русской культуры и стало основой для евразийской культуры, что сейчас уже трудно различить, где собственно русское, древнерусское, а где неславянское.

В имеющейся литературе по евразийству вопрос о собственно восточной ориентации развития русской культуры только начинает рассматриваться. Общие положения теории культуры в контексте проблемы «Восток-Запад-Россия» как ключевой в евразийской историософии освещаются в диссертационном исследовании Р.А.Урхановой. В публикациях, касающихся этой темы, также в основном выделяется критическое отношение евразийцев к западной культуре, которое определялось не только идейными связями со славянофилами, и на которые, как отмечалось, указывали сами евразийцы, но, главным образом, утверждением того, что исторически Россия – это особый, в том числе культурный, евразийский мир. В программном документе «Евразийство (Формулировка 1927 г.)» авторы подчеркивали, что «это отрицательное отношение усугубляется тем, что современную европейскую культуру во всех ее частях, кроме эмпирической науки и техники, евразийцы признают

культурой упадочной». К последнему утверждению, как указывал П.Н.Савицкий, евразийцы пришли независимо от О.Шпенглера. Но очевидно, что знаменитый «Закат Европы» явился доказательством верности их выводов и имел для них особое значение, прежде всего главный вывод О.Шпенглера о том, что, начиная с 19 века, с победой капитализма, западная культура вступила в стадию упадка, предшествующая культура выродилась в цивилизацию.

Евразийское отрицательное отношение к западной культуре определялось констатацией ее «упадничества» (на которое указывал и один из крупнейших европейских философов) и чрезмерного «европоклонства», начавшегося в петровскую эпоху. Но, как разъяснял П.Н.Савицкий в своей большой статье «В борьбе за евразийство(Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах)», евразийцы никогда не призывали «замыкаться» от Европы, они указывали на то, что «сочетание своего основного и с восточным и с западным есть гармоническое и должное сочетание». Это существенное разъяснение П.Н.Савицкого почему-то «не замечалось» раньше критиками восточной ориентации евразийского учения о культуре.

Двосоставность русской культуры Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Г.В.Вернадский определяли исходя из истории не только собственно русского народа, но и восточных славян в контексте всемирной истории. Этот аспект в литературе по евразийству практически не изучен. В евразийских трудах становилось закономерным рассмотрение такой важной проблемы, как проблема этногенеза восточных славян. Имеется специальный доклад П.Н.Савицкого «Русские среди народов Евразии (методологическое введение в проблему)», прочитанный в 1934 году на съезде историков в Варшаве и рассматривающий вопросы истории восточных славян. В нем он разграничивает европейское славянство и

восточных славян, которые в своем историческом развитии «соприкоснулись с народами финно-угорского, турецкого, монгольского и маньчжурского корня (а также с палеоазиатами)». Это обусловило особенности «общекультурного облика» евразийских славян. В связи с этим П.Н.Савицкий указывал: «Задача заключается в том, чтобы определить в какой мере отдельные своеобразные (в отношении остального славянства) особенности русского племени определились его восточными связями»[22]. До сих пор специальные исследования этого вопроса отсутствуют.

Утверждение П.Н.Савицкого о том, что основу русской нации, принадлежащей к особому культурно-историческому миру, составляет евразийское славянство, позволяло по-новому посмотреть на киевские истоки русской истории, этнографии, фольклора. Сам лидер евразийства, говоря в докладе о значимости возникающей науки истории Евразии, указывает на новую книгу Г.В.Вернадского «Опыт истории Евразии». Некоторые вопросы новой истории Евразии рассмотрены Г.В.Вернадским в упомянутой уже выше статье «Монгольское иго в русской истории». Так, говоря о том, что вся история Византийского царства была связана и со степным Востоком, Г.В.Вернадский указывает: «Теми же отношениями окрашены ранние века русской истории, ее «домонгольский период» – Киевская Русь», в результате, по его словам, «русская цивилизация и культура постепенно пропитывались началами, с одной стороны, византийской (то есть греко-восточной) цивилизации и культуры степных кочевников, перенимая от них одежду и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мыслей»[23].

Закономерным и важным явилось обращение евразийцев к рассмотрению типологических и контактных взаимосвязей восточных славян и "туранских народов" в области литературы и искусства. Среди них были музыковеды, искусствоведы, литературоведы. В своих исследованиях

они специальное внимание уделяли восточным истокам, мотивам, которые обнаруживаются в литературных произведениях разных жанров (сказаниях, хождениях и др.), таких, как: "Повесть временных лет", "Слово о законе и благодати", "Хождение за три моря" Афанасия Никитина. Известно, что в свое время такие крупнейшие филологи, как А.Веселовский, Ф.Буслаев, А.Афанасьев отмечали внутреннюю близость восточных мифов, легенд, сюжетов. Они и другие ученые обращали внимание на то, что восточный колорит всегда сопровождал русскую культуру, литературу, музыку, устное народное творчество. Г.В.Вернадский в своем большом исследовании "Киевская Русь" (впервые изданном в российской печати в 2000 г.), уделяя особое внимание взаимоотношениям Руси и Востока, также считал, что "следует признать непосредственное влияние восточного фольклора на русский" и "поразительное сходство в строе гаммы русской народной песни с песнями некоторых тюркских племен".

П.Н.Савицкий призывал не забывать не только о том, что восточные истоки русской культуры связаны еще с византийской цивилизацией, но и о том, что она тоже являлась величайшей евразийской культурой: «евразийская», в географических пространственных данных своего существования, русская культурная среда получила основы и как бы крепящийся скелет исторической культуры от другой «евразийской» культуры. Происшедшим же вслед за тем последовательным напластованием на русской почве культурных слоев азиатско-азиатского (влияния Востока) и европейского (влияния Запада) «евразийское» качество русской культуры было усилено и утверждено»[24].

В понятие «Восток» евразийцы по сравнению со своими предшественниками вложили свой особый смысл. Для славянофилов «Восток» – это славянский православный, единоплеменный мир, а «Запад» – это романо-германский, католико-протестантский мир. Славянофилы не

противопоставляли западной культуре византизм как культурное начало России. Это было осуществлено крупнейшим русским мыслителем К.Н.Леонтьевым, который, как известно, в свое время предложил сделать центром русской культуры бывшую столицу византийской культуры и которая должна была отойти к России. Так, в своих «Письмах о восточных делах» он говорит, что «будут тогда две России, неразрывно сплоченные в лице государя: Россия – империя с новой административной столицей (в Киеве) и Россия – глава Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре».

Парадигма восприятия Востока у евразийцев во многом была связана с пониманием сущности византийской культуры. Ее разъяснение находим у П.Н.Савицкого: «Сущность византийской культуры определяется сочетанием многообразнейших элементов. Токи религиозных, художественных и др. импульсов, шедших с Востока, из Палестины, Сирии, Армении, Персии, Малой Азии, а также из некоторых частей Африки, сопрягались здесь с восприятием западной государственной и правовой традиции. Также соприкосновение со степными культурами, столь определяющее для образа русской культуры, не прошло в свое время бесследно для Византии. И многое в византийских модах и нравах восходит к заимствованию у степных «варваров», последовательными волнами набегавших на границы империи»[25]. Таким образом, понимание византийской культуры как евразийской расширило представление об основах русской культурно-исторической традиции.

Для евразийцев стали важными не только главные проблемы философии русской истории и культуры: Русь – Орда, Восток – Запад, Россия – Запад, Россия – Восток, но и проблема Русь – Византия. В свое время взгляды евразийцев на последнюю проблему были замечены Всеволодом Ивановым. По его словам, «они правильно вносят поправку в

дело славянофилов, ища на Востоке того, чего не хватало Аксакову, Хомякову, Конст. Леонтьеву, чтобы обосновать наше отличие от Европы. Только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя». Сами евразийцы указывали, что «несмотря на некоторые соприкосновения со славянофильством» их учение существенно новое. Славянофилы разобщение России и Западной Европы связывали с разделением церквей: православно-византийской и католической. «Византизм» славянофилами понимался как основа создания нового универсального православия, как религиозно-культурное начало Руси-России. Известно и другое понимание роли византизма в истории русской философии. Так, Чаадаев писал, что корень русского застоя и отсталости, отчуждения от Западной Европы именно в «византизме».

«Византизм» евразийцев отличался и от «византизма» К.Леонтьева. Великий русский мыслитель противопоставлял «умирающей» Европе прежде всего Византию. Другой крупный русский философ С.Л.Франк, высоко оценивая парадоксальные идеи К.Леонтьева, отмечал: «Находясь в остром противоречии со славянофилами и со всем общественным мнением России, господствовавшим в то время, он возражает против намерения освободить славян от турецкого владычества, ибо, по его мнению, только под турецкой деспотией славянство и восточное славянство может уберечься от западного разложения, и только пока существуют мученики и герои, остается еще надежда спасти истинную культуру»[26]. Леонтьева привлекала «языческая» сторона «восточной» культуры, которую он хорошо узнал будучи русским консулом в Турции и Греции. Духовному, культурному разложению Запада он противопоставлял византийские организующие принципы – византийское самодержавие, византийское православие, византийскую культуру. Парадоксальность его идей заключалась в том, что он был убежден: Россия должна выработать

совершенно своеобразную культуру, не похожую на западноевропейскую, основанную на византизме. Тогда Россия сможет выполнить великую миссию – дать миру новую культуру – «положительную, созидательную, в высшей степени новоединую и новосложную». Леонтьев подчеркивал: «Конец петровской Руси близок... И слава Богу, ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отряхивая романо-германский прах с наших азиатских подошв»[27].

Идеи К.Леонтьева были восприняты евразийцами. В программном коллективном манифесте «Евразийство(Опыт систематического изложения)» отмечалось: «Только К.Леонтьев решился формулировать выводы своего богатого и непредвзятого опыта и мужественно выступить против растворения русской культуры в отвлеченном и романтическом панславизме. Но на его слова также никто не обращал внимания, как и на – пускай часто даже поверхностные – впечатления иностранцев. А иностранцы не смешивают русской культуры ни с европейской, ни со славянством. Они воспринимают Москву, русский быт, русское искусство, русский психический уклад как «Азию», хотя, конечно, и отличают эту «Азию» от Индии или Китая. Для иранцев же русские – преемники Турана»[28].

Евразийцы не раз подчеркивали, что «Восток» – термин многозначный, и нельзя говорить об одной восточной стихии»(П.М. Бицилли). Уже первое издание их трудов «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» открывалось статьей крупного философа культуры П.М.Бицилли «Восток» и «Запад» в истории Старого Света», в которой обращалось специальное внимание на эту неоднозначность, на то, что во всемирной истории турко-монголам «много раз случалось побывать в положении «наследников» других восточных стихий. Евразийская философия истории культуры по сравнению с их

предшественниками и современными русскими мыслителями отличалась более глубокой, широкой интерпретацией понятия «Восток», «восточная культура» и ее роли в «истории Старого Света».

Важным остается указание П.М.Бицилли о том, что существует не только контраст культур Запада и Востока, но и черты сходства, что культура Запада имеет свои восточные корни. Так, например, говоря о том, что раньше господствовало мнение о полной самостоятельности «западно-европейского, средневекового германо-романского искусства», он пишет: «Доказано, что первыми образцами «германского» искусства (ювелирные работы франкских и вестготских могильников и кладов) Запад обязан Востоку, а именно Персии, что прототип характерного «лангобардского» орнамента находится в Египте; что оттуда же, с Востока, идет и растительный, и животный орнамент ранних миниатюр, еще недавно свидетельствовавший, в глазах историков искусства, о специфическо-немецком «чувстве природы». Бицилли утверждает несостоятельность «противоположения «романо-германской Европы» и «христианского Востока» в области философской мысли. В качестве примера он приводит положение о том, что общим для средневековой западной и восточной мысли было явление платонизма, «с тою разницей, что Восток сумел положить платоновский идеализм в основу своей религиозной философии благодаря тому, что обратился к первоисточнику неоплатонизма – Плотину; между тем как Запад знает Плотина лишь из вторых рук, равно как и Платона и к тому же часто смешивает их». Философ призывает не забывать «евразийский» период истории Старого Света, оставивший «такие богатства, красоты и истины, что мы до сих пор живем его наследием», призывает освободиться от «западной исторической вульгаты, зависимости, от которой, как оказывается, трудно отделаться даже людям, ощутившим русское «евразийство»[29].

Г.В.Флоровский в работе «О народах неисторических» утверждает, что Россия есть сложная историческая формация: «Не трудно различить в русском быте разнородные слои – варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, «санкт-петербургский» и прочие, и не трудно возвести эти осадочные образования к определенным причинно-действиям»[30]. Г.В.Флоровский прав в том, что русская историософия началась с первого «Философического письма» Чаадаева, в котором русский народ признавался народом неисторическим, «без наследства». Евразийцы признавали относительную (во всемирно-историческом плане) «неисторичность» русского народа. В контексте же создаваемой ими истории русская цивилизация – наследница цивилизации особого географического и этнокультурного мира Евразии.

Таким образом, определяющим в евразийском учении стало понимание России – «русского сфинкса» как особой исторической формации, уникальность которой связана с восточными корнями. По сравнению со своими идейными предшественниками они расширили парадигму восприятия и роли Востока. Византийский «слой» евразийцы рассматривали как особый элемент, напоминая, что византийская культура сохраняла «евразийское» наследие предшествующей культуры. По-новому оценивая монголо-татарский период в российской истории, лидеры евразийства обосновывали закономерность «азийского», «туранского» элемента в русской государственности, культуре, быте. Те, кто обвиняли их раньше и сейчас в особой любви к «наследию Чингисхана» «не замечают», что евразийцы в своих работах писали о синтезе, симфоничности европейских и восточных цивилизационных черт, которые определили самобытность русской цивилизации. Они призывали не забывать об уникальности пути, пройденном русским народом, поэтому Россия – особая геополитическая и социокультурная личность – личность Евразия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с. 279.
2. Там же, с. 295, с. 302.
3. Под туранскими народами евразийцы понимали угро-финнов, самоедов (сохранившихся в Архангельской губернии и северо-западной Сибири), тюрков (татары, балкарцы, башкиры, киргизы, туркмены, алтайцы, якуты и др.), монголов (в пределах России – буряты, калмыки), маньчжуры (кроме собственно маньчжуров, гольды и тунгусы – эвенки).
4. См.: Россия между Европой и Азией. Антология. – М.: Наука, 1993. – С.59.
5. См.: *Бердяев Н.А.* Русская идея. – М., 1990. - С. 44.
6. См.: *Вернадский Г.В.* Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. Т. 35. № 1. - М. – Пб., 1914. - с. 57-58.
7. См.: *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О русском психологическом типе. Возрождение. Т. 65. Париж, 1957. С. 51.
8. См.: *Вернадский Г.В.* Против солнца... С. 58.
9. См.: *Щапов А.П.* Незданные сочинения. - Казань, 1926. – С. 15.
10. См.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн, с. 126.
11. См.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. – М.: АГРАФ, 1999. – С.237.
12. См.: Россия между Европой и Азией, с. 259-260.
13. См.: *Аленников Н.Н.* Культурный путь России // Русский Военный Вестник. – 1926. - № 44.
14. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с. 194.
15. См.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с. 243.
16. См.: Мир России – Евразия, с. 60.
17. См.: Русский узел евразийства, сс. 237, 249.
18. См.: *Бартольд В.В.* Сочинения. т. 11, ч. 1. – М., 1963. – С. 718.
19. Там же, с. 718.
20. См.: Россия между Европой и Азией, с. 75.

21. См.: *Валянский С.И., Каложный Д.В.* Явление Руси. – М.: Крафт-Леан, 1998. – С. 5.
22. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с. 196.
23. См.: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь. - Тверь-Москва: ЛЕАН, АГРАФ, 2000. - С. 384.
24. Русский узел евразийства, с. 79.
25. См.: Мир России – Евразия, с. 87.
26. См.: *Франк С.Л.* Русское мировоззрение // Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 496.
27. См.: *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного развития // Собр. соч. – Т. 6. – С. 79.
28. См.: Мир России – Евразия, с. 255.
29. См.: Россия между Европой и Азией, сс. 30, 35.
30. См.: Мир России - Евразия, с. 41.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ «ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ»

Одним из самых сложных понятий гуманитарной науки было и остается понятие «культуры». Существует, как известно, множество определений ее сущности. Среди современных можно выделить следующее: «Культура представляет собой исторически изменяющуюся и исторически конкретную совокупность тех приемов, процедур, норм, которые характеризуют уровень и направленность человеческой деятельности, всей деятельности, взятой во всех ее измерениях и отношениях. С этих позиций культура выступает как способ регуляции, сохранения, воспроизведения и развития всей общественной жизни»[1]. В современной литературе распространено отождествление культуры с совокупностью ценностей, идеалов, которые выполняют функцию социальной ориентации в обществе.

Философское осмысление культуры в России, начавшееся с полемики славянофилов и западников о путях развития отечественной культуры, получившее свое развитие в знаменитой книге Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», в трудах Розанова, Бердяева и др., приобрело новую актуальность в первой четверти XX века «в ситуации исторической сверхуплотненности событий», когда «произошло взаимное оплодотворение духовных потоков – социально-критического, прагматического, нравственно-религиозного и философско-отвлеченного мышления»[2]. Для российских философов (Г.И.Челпанова, И.И.Лапшина, Б.П.Вышеславцева и др.) стала характерна мировоззренческая, аксиологическая ориентация, усиление нравственного момента. В истории русской мысли евразийская теория культуры заняла особое место. В ее разработке приняли участие, кроме лингвиста, филолога, культуролога Н.С.Трубецкого, такие наиболее известные евразийцы, как П.Н.Савицкий, Л.П.Карсавин, П.П.Сувчинский,

Г.В.Флоровский. Благодаря доступности их работ в последние годы основные положения евразийской концепции культуры стали как предметом серьезного анализа, так и широкого обсуждения, особенно в связи с возрождением идей среди научной общественности, интеллигенции и др.

В работах, посвященных истории и развитию евразийства, прежде всего выделяется, что общим, исходным для философии истории и культуры было утверждение о самобытности культурного мира России – Евразии, что важнейшую роль в евразийском учении играла идея культуры как «симфонической личности». Так, например, Л.И.Новикова и И.Н.Сиземская, указывая, что философская разработка этой идеи принадлежит Л.П.Карсавину, подчеркивают: «В противоположность европейской традиции, согласно которой исходным, базисным понятием является личность как индивид, обладающий неотъемлемыми свойствами-правами самодостаточного социального атома, в евразийстве ее базисным понятием является «симфоническая личность» как живое органическое единство многообразия, когда единство и множество отдельно друг от друга не существуют»[3].

Как отмечалось выше, главные философско-исторические основания евразийской культурологии рассматриваются в исследовании Р.А.Урхановой «Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX в.». В частности, отмечается, что на первом этапе идейной истории евразийства, в 1921-1926 годах, Н.С.Трубецким, П.Н.Савицким был выдвинут тезис о множественности культур в качестве альтернативы, господствовавшей в историческом и социальном познании начала века теории линейного однонаправленного развития общества. Характеризуя развитие евразийской культурологии, Р.А.Урханова указывает: «На втором этапе, в 1926-1929 гг., культурно-морфологическая концепция евразийцев

претерпевает изменения. «Культурные типы» или просто «культуры» обретают форму «симфонических» или «хоровых» многонаrodnых личностей, безусловно, под влиянием «Философии истории» Карсавина»[4]. А.Т.Горяев, также уделяя внимание развитию культурологии евразийцев, в частности отмечает, что евразийцы подчеркивали факт глубокого культурного переворота на стыке исторических эпох, содержанием которого явились кризис западно-европейской культуры и русская революция 1917 г. По мнению евразийцев, на арену истории выходит новый культурно-исторический тип»[5].

Общепризнанно, что на развитие евразийской теории культуры оказали влияние идеи известного естествоиспытателя по профессии, «историософа по призванию» Н.Я.Данилевского и его прямого последователя К.Н.Леонтьева. Данилевский, считающийся типичным представителем панславизма, в самом известном труде «Россия и Европа» изложил свою теорию «культурно-исторических типов». Главным тезисом этой теории было утверждение, что общечеловеческой цивилизации нет и быть не может, человечество в истории предстает в виде различных культурно-исторических типов. Сейчас, указывал Данилевский, пришло время для развития славянских народов в самобытный культурно-исторический тип[6]. К.Н.Леонтьев также в своих работах не раз подчеркивал, что «Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, это целый мир особой жизни», принимая во внимание и «туранскую примесь» в этом особом культурном типе.

Остается недостаточно изученным социально-философский аспект теории культуры Н.Я.Данилевского и евразийцев. Между тем его осмысление в современной российской действительности становится особенно важным. Данилевский указывал на необходимость создания всех благоприятных условий, культурных и геополитических, для нового

славянского типа. В «России и Европе» не раз подчеркивается значимость национальных чувств, «исторического воспитания», под которым Данилевский понимал сплачивание зависимых народов, подчинение частных интересов общим. Такие случаи были в допетровской истории России, в истории славянских народов. Данилевский указывал и на отличительные черты культурно-исторического типа, который станет «четырёхосновным»: 1) религиозным, 2) научным, творческим в искусстве, технологическим, индустриальным, 3) политическим, 4) экономическим и общинным. Социально-философский аспект концепции Н.Я.Данилевского и других идейно близких ему русских мыслителей получил свое развитие в концепции евразийцев. По мнению Г.В.Флоровского, именно «социология, какова бы она ни была» раскрывает «возможность рождения «новых» культур, возможность вечно обновляющейся культуры сверх быта. И все русские провидцы, утверждая русское или славянское будущее, имели перед своими духовными очами вполне четкий образ грядущего культурного типа»[7].

Среди «русских провидцев» эмиграции, печатавшихся на страницах евразийского журнала «Версты», и несомненно, оказавших влияние на развитие социологических взглядов евразийцев, был Г.П.Федотов, научное наследие которого, как и наследие евразийцев, стало широко доступным только в последнее время. Известно, что на Западе труды Г.П.Федотова давно уже считаются классическими. Историк по образованию он стал известен как философ, богослов, публицист, культуролог. Особое место в его наследии занимали социологические проблемы. Идеинная близость Г.П.Федотова и лидеров евразийцев определила значимость исканий мыслителей русского зарубежья.

Проф. Ф.И.Гиренок, рассматривая творчество ученого и публициста, подчеркивает: «Аналитические возможности Федотова

поражают воображение. При чтении его работ, таких, как «Конец империи», «Запад и СССР», «Будет ли существовать Россия?», приходишь к мысли, что они написаны не исследователем, а пророком. Духовная ситуация нашего времени провидчески описана Федотовым в таких работах, как «В защиту этики», «В борьбе за искусство»[8]. В немногочисленной литературе, посвященной анализу его идей и проблематике творчества, отмечается, что истоком мировоззрения мыслителя послужил комплекс философских и социологических идей. Здесь и духовное наследие русского православия, и главные идеи русского философского религиозного Ренессанса, и идеи новейших социологических учений.

Многие работы этого одного из интересных русских мыслителей начала XX столетия, например, «О национальном покаянии», «Революция идей», «Будет ли существовать Россия?», «Проблемы будущей России», «Письма о русской культуре», были посвящены поиску путей социального и культурного возрождения России и пронизаны тревогой за судьбу русской культуры. «Мы, - писал философ, - живем в эпоху гибели гуманистической культуры». Культура погибает, а цивилизация шаг за шагом повышает свой уровень. Как и евразийцы, он считал, что Запад потерял самое ценное, что у него было – личность. Личность растворилась, но тело ее осталось и продолжает жить. И эта жизнь дает о себе знать в биологически прочитываемой философии. Будущее России, по мнению Федотова, «зависит от того, к какому стану мы примыкаем: к стану цивилизации или культуры». По его словам, культура – «это сгустки накопленных ценностей», «та кожа, которая сдерживает в человеке зверя»[9]. Одним из способов «сдирания» культурного слоя стало быстрое приобщение масс к цивилизации в ее поверхностных слоях: техника, наука.

Федотова и евразийцев объединял взгляд на петровскую эпоху. Он с болью отмечал, что в петровскую эпоху уже не удивляли люди, души

которых были русскими, а мыслительная субстанция складывалась по законам другого целого: "Мы не выращивали свой логос, он нам достался по дешевке. Этот «штемпелеванный разум» не имел корней в глубинах народной жизни, он навязывался ей извне". И это все, замечает философ, называлось «просвещение народа», "отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой - национальной"[10]. Для Федотова особенно интересны XVII – XVIII века европейской истории. В это время произошел сдвиг цивилизации в сторону иных оснований свободы. Свободу веры сменила свобода мысли, феодальный плюрализм властей сменился либеральной концепцией государства, основанием свободы стала свобода предпринимателя. Федотов подчеркивал, что в результате этого сдвига произошла релятивация духовных норм. Он призывал "приветствовать появление в русской литературе книг по философии этики, как симптома спасительного поворота. Русская мысль уже возвращается к своей великой традиции. Многого остается еще придумать. Главное, конечно, - для нашего времени, представить этику не в системе богословия»[11]. Как и евразийцы, он считал, что западническое содержание идеалов русской общественности, интеллигенции приводило к болезни антинационализма. Все, что было связано с героическими преданиями России, было взято под подозрение. Объектом ненависти становилась сама Россия, русское государство, русская нация. «При таких условиях, - писал Г.П.Федотов, - можно понять иностранцев или русских евразийцев, которые приходят к выводу о том, что Россия органически порождает деспотизм – или фашистскую «демократию» – из своего национального духа или своей геополитической судьбы»[12].

Для федотовской социологии была характерна принципиальная ориентация на творческую личность, на интеллигенцию и многообразие ее социокультурных функций. Федотов в своих трудах не только рисует культурный портрет России, но и рисует путь интеллигенции в русской

культуре. Главной ее функцией «было несение в народ – в Россию – готовой западной культуры, всегда в кричащем противоречии с хранимыми в народе переживаниями древнерусской и византийской культуры». Он с тревогой писал о том, что новая нарождающаяся интеллигенция проникается пафосом американизма. Для него было ясно и то, что не вся Россия «проходит азбуку атеизма и американизма». В его размышлениях о судьбе интеллигенции звучат и евразийские мотивы. Так, в работе «Будет ли существовать Россия?» он подчеркивает, что сознание интеллигенции должно быть «одновременно великорусским, русским и российским». Ориентация только на Запад может оказаться губительной для России. Как и евразийцы, Федотов был убежден, что это противоречит исторически сложившейся цивилизационной специфике России. В статье «Россия и свобода» он также указывает, что «Русь создавалась на периферии двух культурных миров: Востока и Запада». Выводы его работы «Проблемы будущей России» соотносятся со взглядами евразийцев: «Многонациональность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу», «Россия не может равняться с Францией или Германией: у нее особое призвание. Россия – не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет как Россия».

Учение о культуре, путях ее развития у Г.П.Федотова и евразийцев было связано в определенной степени с идейно-политической борьбой того времени, с поисками новой «русской идеи». Их сближали взгляды на историю, судьбу русской, российской культуры, антизападничество. Но известно, что для Федотова были неприемлемыми положения евразийской идеологии, обосновывавшие новое русское национальное сознание, недооценка ими личностного начала в социально-культурной жизни. Так, в начале одной из ярких статей «Будет ли существовать Россия?» он сам эти разногласия отмечает: «В революции мы привыкли видеть кризис власти, но

не кризис национального сознания. Многие не видят опасности, не верят в нее. Я могу указать симптомы. Самый тревожный – мистически значительный – забвение имени России. Все знают, что прикрывающие ее четыре буквы «СССР» не содержат и намека на ее имя, что эта государственная формация мыслима в любой части света: в Азии, в Южной Америке. В Зарубежье, которое призвано хранить память о России, возникают течения, группы, которые стирают ее имя: не Россия, а «Союз народов Восточной Европы»; не Россия, а «Евразия». О чем говорят эти факты? О том, что Россия становится географическим пространством». Далее автор, подвергая критике большевиков и евразийцев, подчеркивает: «Одни – интернационалисты, которым ничего не говорят русские национальные традиции; другие – вчерашние патриоты, которые отрекаются от самого существенного завета этой традиции – от противостояния исламу, от противления Чингису, - чтобы создать совершенно новую, вымышленную страну своих грез»[13]. Вместе с тем в заслугу евразийцам он ставил постановку проблемы «Россия между Западом и Востоком», пересмотр всего материала русской истории и культуры.

И евразийство, как пореволюционное течение русской зарубежной мысли, и один из ярких ее представителей остро поставили проблему культуры, считая, что она в России находится под угрозой. Г.П.Федотов сквозь призму культуры рассматривал религию, мораль, искусство, политику. Очевидно, что евразийцы не могли не испытать влияния творчества незаурядного мыслителя, его представлений о путях социально-культурного возрождения России. Социально-философский аспект евразийской теории культуры включал в себя также такие проблемы, решаемые Федотовым, как роль духовной культуры в процессе социального

развития, национальное самопознание, национальная идентичность, этносоциальные основы культуры, пути культурного возрождения.

В «Основах политики» Л.П.Карсавин указывал: «Для обозначения систематического учения о культуре как целом мы избираем старый аристотелевский термин «политика». Таким образом, «снимается» господствующая донныне антитеза общества и государства». Евразийцы, по его словам, выделяют в культуре главные сферы: «1) сферу государственную или политическую, в которой преимущественно осуществляются единство культуры и личное бытие ее субъекта; 2) сферу духовного творчества или духовной культуры, духовно-культурную сферу; 3) сферу материально-культурную или сферу материальной культуры». Причем эти сферы, с одной стороны, легко различимы, с другой стороны, они не могут быть резко отделены друг от друга, но сфера материальной культуры иерархически низшая, наиболее важной являлась духовная культура.

«Евразийская концепция, - подчеркивал П.Н.Савицкий, - знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определенных научных и философских предпосылок»[14]. Работы князя Н.С.Трубецкого «Европа и человечество», «Об истинном и ложном национализме», «Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры)», «Мы и другие», «О туранском элементе в русской культуре», «Общевразийский национализм», «Наследие Чингис-хана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», определившие развитие евразийской теории культуры, согласно которой русская культура – это самостоятельная, самобытная евразийская культура, вобравшая в себя опыт Запада и Востока, не утратили своего значения и актуальности в наше время.

Исследователями обращается особое внимание на значимость положения о множественности культур, которое позволяло утверждать учение о самобытной русской культуре. В частности, как отмечает Р.А.Урханова: «Склонность евразийцев к теории множественности культур определялось во многом интеллектуальными характеристиками эпохи»[15]. Здесь имеется в виду неслучайность хронологического совпадения времени появления известной работы О.Шпенглера «Закат Европы», констатирующей кризис классической культуры и наступление технократии, и публикации «Европа и человечество» Н.С.Трубецкого, в которой подвергалось резкой критике распространенное среди российской интеллигенции мнение о превосходстве западноевропейской культуры и «миф» об общечеловеческом характере европейской цивилизации.

По Шпенглеру, «культура представляет полное подобие живому организму: она пробегает возрастные ступени отдельного человека, обладая своим детством, своей юностью, своей зрелостью и своим старчеством». Эту заключительную стадию всякой культуры – ее старчество – Шпенглер называет цивилизацией. «Цивилизация есть неизбежная судьба всякой культуры, ее логический конец, ее смерть»[16]. В связи с этим важным является замечание П.Н.Савицкого о том, что «независимо от воззрений, высказанных в Германии (Шпенглер), и приблизительно одновременно с появлением этих последних евразийцами был выставлен тезис отрицания «абсолютности «новейшей «европейской» (то есть, по обычной терминологии, западноевропейской) культуры».

По словам С.Ключникова, «в своей критике современной западной культуры евразийцы иногда перегибали палку». На это указывали в свое время и оппоненты евразийцев, и их сторонники. Так, в опубликованном письме Н.А.Бердяева к П.П.Сувчинскому говорится: «Ваше отношение к западной духовной жизни я считаю проявлением русского нигилизма» и

далее: «Сам я очень хорошо понимаю кризис западной культуры, упадочность Запада»[17]. Нигилизм евразийцев, как и Г.П.Федотова, был связан с тревогой за то, что в западном мире личность, душа становится разменной монетой, ее приносят в жертву для государства, политики, партии.

Для «отцов» евразийства одной из главных идей стала идея русского национально-культурного своеобразия. О евразийском видении этого своеобразия, обусловленного прежде всего восточными корнями, в настоящее время написано достаточно много. Оно рассмотрено в работе А.Т.Горяева. При этом, отмечая наиболее важные рассуждения Н.С.Трубецкого, среди которых интересно, например, следующее: «Удаль, ценяемая русским народом в его героях, есть добродетель степная, понятная тюркам, но не понятная ни романогерманцам, ни славянам», А.Т.Горяев подчеркивает, что «евразийцы в своей концепции построения «новой русской культуры» уделяют принципиальное внимание этнографическому обоснованию своеобразия психологического облика «русской народной стихии»[18].

П.Н.Савицкий в «Повороте к Востоку» в который раз подчеркивает: «многие ли из русских всецело чужды печати восточного духа: его мистики, его любви к созерцанию, наконец, его созерцательной лени?». В "Степи и оседлости" он указывает, что русское духовное своеобразие ковалось в горниле татарского ига: "В дотатарской Руси - отдельные черты, намеки, в Руси "татарской" - полнота мистического углубления и постижения и ее лучшее создание - русская религиозная живопись, весь расцвет последней целиком умещается в рамки "татарского ига!"[19].

Евразийцев привлекала главная ценность восточной культуры - ее особая духовность, связанная с отношением к религии. Это отношение,

например, рассмотрено в интересной статье Н.С.Трубецкого "Религии Индии и христианство". В качестве примера он приводит то, что в Индии во время катастрофических неурожаев "целые деревни умирали с голоду, оставляя после себя стада коров, которых ни один домохозяин не счел возможным зарезать". Такую силу имело предписание их религии. Подчеркивая, что "этому отношению к религии нам нужно учиться у них", Н.С.Трубецкой указывает: "Мы должны научиться жить по своей вере и смотреть на нее не как на совокупность отвлеченных формул, а как на некоторый реальный и первостепенный фактор нашей повседневной жизни. И только тогда, когда такое действенное отношение к нашей русской вере станет уделом значительной части русских, можно надеяться на создание новой национальной русской культуры"[20]. Евразийцы были убеждены, что христианство обязано повернуть глаза человека не только к личному спасению, но и к социальному обновлению.

Для евразийства важной стала разработка религиозно-богословских проблем. Вопрос о соотношении религии и культуры, в свое время поставленный К.Леонтьевым, получил свое решение, причем «силе Религии», религии как социальному институту придавалось особое значение. Религиозная доктрина, связанная прежде всего с именем крупнейшего русского философа, историка-медиевиста, культуролога Л.П.Карсавина, не раз привлекала внимание исследователей евразийства. Они выделяли идеи о «бытовом исповедничестве», о еще большей терпимости, чем прежде, к иным религиям, о «потенциальном православии». Вряд ли можно согласиться с возникавшими сомнениями в правомерности убежденности теоретика религиозной доктрины и других лидеров евразийства в том, что таким потенциалом являются евразийские неправославные народы. Из истории известно, что они принимали христианство не только по принуждению.

Важным положением евразийской доктрины стало положение о том, что православие должно стать еще ближе к жизни и быту народов. Идея «бытового исповедничества» осознавалась как одно из главных средств борьбы с атеизмом. Л.П.Карсавин, Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Н.Н.Алексеев не раз подчеркивали, что XX век - это эпоха «новой веры», единой для всех народов Евразии, что послереволюционное «отпадение от Бога» – явление временное. Одним из их «предчувствий» было предчувствие о том, что следование духу и букве православной церкви – залог процветания России как особой цивилизованной общности. Церковь для них, по словам П.Н.Савицкого, «есть тот светильник, который им светит». Н.С.Трубецкой будущее русской культуры видел в том, что она «должна стать в идеале оцерковленной сверху донизу. Православие должно проникнуть не только в народный быт, но и во все части здания русской культуры, вплоть до высших вершин этого здания». По его убеждению, «только тогда русская культура будет сверху донизу единой системой, несмотря на внешнюю свою краевую и племенную дифференцированность»[21].

Эти предчувствия и убеждения роднят евразийцев и Г.П.Федотова, который в программной работе «Проблемы будущей России» писал: «Оцерковление культуры – это наша христианская утопия, которую мы противопоставляем всевозможным утопиям современности. Все остальные утопии реализуются в ней» и подчеркивал: «Лишь в этой утопии вавилонская башня культуры становится храмом, оправдывающим свое священное имя (Bab – El)»[22].

Тема «Культура и Православие» отразилась в наиболее важном документе «Евразийство (опыт систематического изложения)», в котором имелись специальные разделы «Православие как основа идеологии», «Русская Церковь и русская культура».В этом манифесте утверждалось:

«Православие – высшее, единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства», «Существуя пока только как русско-греческое и преимущественно как русское, Православие хочет, чтобы весь мир сам из себя стал православным», «Язычество есть потенциальное Православие», «Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью». Основания культуры «симфонической личности» и основания Православия в евразийском учении совпадали. Своего совершенства культура достигает в Церкви, распространении Православия.

Евразийцы указывали, что православие – это нечто большее, чем просто вероисповедание. «Оно, – писал Г.В.Флоровский, – есть целостный жизненный идеал, сложная совокупность оценок и целей. «И чтобы стать русским», действительно необходимо «быть православным». Таким образом, по сравнению со своими предшественниками, евразийцы значительно расширили тему религиозности, положительно относясь к «инославию», и стремились к новой религиозности.

Они предложили новую социокультурную парадигму, связанную с возможностью евразийского религиозного единства. Основа для религиозного единства Евразии заключается, по мнению евразийцев, в общем для евразийских народов характере религиозного мироощущения – в свойственном им «бытовом исповедничестве» и особенной интенсивности религиозного чувства. Бытовое исповедничество – феномен пронизанности религиозным миропониманием искусства, материальной культуры и быта, идеологии. Это, по мнению евразийцев, важнейшая особенность восточного мировосприятия. Она была присуща и культуре допетровской Руси, человек этой эпохи переживал религию интенсивно, сверяя ежечасно свои действия и поступки с заповедями православия и относился к последним как к главным жизненным принципам и основам бытия. Основой духовного, культурного единства России – Евразии идеологи евразийства считали

православную церковь, поскольку для них церковь являлась воплощением «соборности», свободного и органического единства. Геоэтническое понимание единства территории русской культуры позволяло им говорить о «родстве душ» народностей Евразии.

Н.А.Бердяев и другие оппоненты евразийства указывали на некоторые противоречия в решении проблемы «Православие и культура», связанные с тем, что православие, согласно евразийской концепции, являлось средоточием не только русской культуры, но всей евразийской культуры. Евразийская же культура включала в себя и языческие верования, и анклавы буддийской, мусульманской культур. Но евразийцы правы, указывая на важность понимания близости основополагающих общечеловеческих принципов этих религий и культур к православию и русской культуре. По их глубокому убеждению, христианство - начало общечеловеческое. В "Вавилонской башне" Н.С.Трубецкой подчеркивал, что христианство не связано с какой-нибудь одной определенной культурой, что оно - "фермент, привносимый в самые разнообразные культуры".

Новую актуальность в контексте поиска социокультурных начал приобрели работы Н.С.Трубецкого, в которых специальное внимание уделялось концепции национальных и межнациональных отношений, «истинного и ложного национализма», проблеме национального самосознания и самопознания. Особенно «Общевразийский национализм» сегодняшним читателем воспринимается так, как будто была написана вчера и является как бы ответом на вопросы о путях развития национальных культур. Кроме ставших широко известными утверждений о том, что общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна и что стремление к общечеловеческой культуре должно быть отвергнуто, эта работа Трубецкого продолжает вызывать интерес идеей симфоничности

национальной культуры: все элементы этой культуры должны гармонизировать друг с другом, будучи окрашены в один общий национальный тон. Отличия разных национальных культур друг от друга должны быть тем сильнее, чем сильнее различия национальных психологий их носителей, отдельных народов. Наоборот, стремление каждого народа создавать свою особую национальную культуру находит себе полное моральное оправдание»[23].

Один из ответов Н.С.Трубецкого о путях развития культуры был связан с характеристикой национализма, с различением истинного, ложного и воинствующего национализма. Снова приобрел актуальность его вывод о том, что чаще всего приходится наблюдать таких националистов, для которых самобытность национальной культуры их народа совершенно не важна. Они стремятся лишь к тому, чтобы их народ во чтобы то ни стало получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан «большими народами», «великими державами» как полноправный член «семьи государственных народов». При этом так называемая европеизация «в конце концов приводит к полной утрате всякой самобытности, и у народа, руководимого такими националистами, очень скоро остается самобытным только пресловутый «родной язык».

Большую опасность Трубецкой видел в «воинствующем шовинизме»: «Здесь дело сводится к стремлению распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность». Показательна и интересна критика некоторых русских «националистов», их требование русификации, принудительного введения русского языка, которые «старались говорить о какой-то самобытной русской культуре XIX века, раздувая до полукосмических размеров значение всякого создания русского или хотя бы русскоподданного творца...»[24].

Идеи симфонизма, общечеловеческой ценности, этнокультурного разнообразия утверждала работа «Вавилонская башня и смешение языков». Трубецкой прав в том, что знаменитая библейская легенда о вавилонском столпотворении отражает закономерность глобального закона о национальном дроблении и множественности национальных языков и культур. Важным является его вывод о том, что распределение и соотношение культур может не совпадать с группировкой языков. В частности, в качестве примера приводятся венгерский язык и языки вогулов и остяков северо-западной Сибири. Так, несмотря на их родство, культура носителей этих языков не имеет ничего общего. Как указывает Трубецкой, культуры соседних народов имеют всегда целый ряд сходных черт и «благодаря этому среди этих культур обозначаются известные культурно-исторические зоны, например, в Азии зона мусульманской, индостанской, китайской ... и т.д. культур». Эти зоны представляют собой «гармоническое единство целого». Попытки заменить это единство механическим единством безличной общечеловеческой культуры, по словам Трубецкого, «противоестественна, богопротивна и кощунственна». Работы Н.С.Трубецкого отразили развитие концепции равноценности больших и малых, «исторических» и «неисторических» народов, их языков, неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова. Они указывают на опасность нового «вавилонского столпотворения», которое будет разрушительным и для национальных культур, и для национальных языков.

Один из участников евразийского движения, калмыцкий эмигрант, доктор Э.Хара-Даван, давая высокую оценку трудам Н.С.Трубецкого и идеям, связанным с признанием важности вклада национальных культур в евразийскую культуру, подчеркивал: «Программа евразийцев не хочет все народы стричь под общую российскую гребенку и тем обезличивать их,

даются право и возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру, как частицу общей национальной культуры евразийской, - чем из более разнообразных цветов и запахов составлен будет букет, тем он будет пышнее и ароматнее»[25].

Современная действительность показала, что евразийцы были правы в том, что отдавали приоритет национально ориентированной культуре. Эти утверждения соотносились с мнением Н.Я.Данилевского о том, что «общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им – значить желать довольствоваться общим местом, бесцветностью». Но он признавал «всечеловеческое» и указывал: «Различие между общечеловеческим и всечеловеческим не только лингвистическое, но и принципиальное. Суть в том, что всечеловеческое в своем разноместном и одновременном существовании всегда несет элемент национально-особенного, а «общечеловеческое», наоборот, лишенное данного элемента, представляет собой пошлость в полном смысле этого слова»[26].

Понимание Евразии как особого «месторазвития», как особой «симфонической личности», своя интерпретация истории позволяло лидерам евразийства утверждать, что существует духовно-культурное единство евразийских народов, обусловленное выработавшейся определенной общей системой ценностных ориентаций, мироощущения и способа мышления. Поэтому категория «симфоническая личность» в учении о культуре для евразийцев это категория и социальная, и философская. Понятие «соборность», связанное с православной ологией, евразийцы вслед за А.С.Хомяковым наделяли культурологическим содержанием. Они трактовали это понятие как первооснову социального организма и рассматривали культуру как коллективную личность с неповторимым обликом, характером и особым историческим призванием.

Евразийцами, как и Г.П.Федотовым, была поставлена проблема социально-культурного возрождения России – Евразии. Во многом она решалась в традиции русской идеи. В «саморазвитии» русской идеи отразились многовариантность исторического пути России, пробуждение и рост русского национального самосознания, пережившего значительный подъем в 30-40-е годы XIX века. То было время постановки и осмысления новых сложных проблем России, нашедших отражение в работах П.Чаадаева, А.Хомякова, И.Киреевского, К.Аксакова, В.Белинского, А.Герцена, Н.Чернышевского.

Глубокое философское обоснование русская идея получила в трудах Вл.Соловьева, главный из которых «Русская идея» был опубликован лишь после его смерти. «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», - подчеркивал Вл.Соловьев. Известно, что во многом такой же подход к разработке данной темы был присущ и Н.Бердяеву. Очерк Бердяева «Душа России»(1915-1917) представлял собой первое обращение этого мыслителя к теме русской идеи. Он интересен обращением к вопросу о противоречиях русской души, анализируемых в свойственной философу манере, широких исторических и теоретических обобщений, парадоксальных сопоставлений и параллелей, философско-психологических описаний.

В настоящее время признано, что большинство исследователей русской идеи в советский период отечественной истории своеобразие и глубину мысли Соловьева, Бердяева, да и многих других представителей русской религиозной и зарубежной философии воспринимали поверхностно, оставаясь в плену официальных догм. Теперь признается, что категории Бог, Дух, Провидение, Царство Божье, Богочеловечество (которые часто использовались в трудах русских философов) являлись главными структурирующими духовными параметрами самобытности

русской цивилизации и культуры. Евразийцы, как и их идейные предшественники, исходя из признания безусловного приоритета духовного начала в жизни человека над материальным, краеугольным камнем «русской идеи», одной из основ культуры считали православие. По словам Трубецкого, «великие культуры всегда религиозны, безрелигиозные же культуры – упадочны».

Евразийский проект «русской идеи» органично соответствовал, соотносился со всей системой теории культуры, политической доктрины и геополитической концепцией. Но в большей степени он касался социально-философского аспекта учения о культуре. В «Русской проблеме» в 1922 г. Трубецкой утверждал: «Мы должны привыкнуть к мысли, романо-германский мир со своей культурой – наш злейший враг. Мы должны безжалостно свергнуть и растоптать кумиры тех заимствованных с Запада общественных идеалов и предрассудков, которыми направлялось до сих пор мышление нашей интеллигенции» и формулировал задачу евразийского движения: «мы должны всемерно работать на создание самобытной национальной культуры, которая, сама вытекая из нового мировоззрения, в то же время обосновала бы собой это мировоззрение»[27]. В связи с этим следует отметить, что другой выдающийся представитель русского зарубежья, И.А.Ильин, также утверждая, что Россия призвана творить свою особую духовную культуру, в еще более резкой форме писал: "Запад нам не указ. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим"[28].

Евразийцы, как и Г.П.Федотов, И.А.Ильин, были убеждены, что задача социально-культурного возрождения России жизненна и реальна для всей русской интеллигенции, что должно быть "стыдно за русских людей, которым приходится узнавать о существовании русской культуры от немца Шпенглера". Главная заслуга евразийцев в стремлении выдвинуть проект

творимой истории и культуры, исходя из того, что культура сразу (конвергентно) проявляется в формах политических и социально-хозяйственных, и в бытовом укладе, и в этническом типе, и – в географических особенностях ее территории.

Их концепция русской идеи была ориентирована на будущее. Одна из формулировок русской идеи – «не мир сей, не мир иной, но нечто третье» в свое время вызвало критику оппонентов евразийцев. «Третий путь», предлагаемый евразийцами, снова ставший предметом обсуждений, как и очень многое в их учении, был также в основном связан с тем, что согласно евразийскому учению, из двух противоположных этнических и культурных полюсов – арийско-славянского и туранского – возникла новая общность, наделенная великой миссией и самобытной, своеобразной культурой, не подчиняющаяся логике ни европейских, ни азиатских культурных интерпретаций. В "Повороте к Востоку" П.Н.Савицкий, говоря о том, что «на арене мировой истории выступил новый, не игравший доселе руководящей роли культурно-географический мир», пророчесствует: «Напряженный взор прозирает в будущее: не уходит ли к Востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?»[29].

Рассматривая оппозицию «Европа и человечество» Трубецкой предостерегал от ложного европейского понимания цивилизации как культуры романо-германских народов. Остается в силе его призыв: «Одураченные романогерманцами «интеллигенты» нероманогерманских народов должны понять свою ошибку. Они должны понять, что та культура, которую им поднесли под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы романских и германских народов». В современной литературе многими разделяется его утверждение о том, что ложным является и принятое в европейской

философии представление об «эволюционной лестнице» культуры, на вершине которой стоят романо-германские народы и народы, принявшие их культуру. Н.С.Трубецкой, подчеркивая, что европейской науке не хватает знания законов жизни и развития культуры, указывал, что для евразийцев близки общие воззрения французского социолога конца XIX века Габриэля Тарда. В его теорию евразийцы ввели некоторые весьма существенные поправки. Эти поправки в частности касались уточнения понятия «культурная ценность» (по терминологии Тарда – открытия) как: «всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: это может быть и норма права, и художественное произведение, и учреждение, и техническое приспособление, и научное или философское положение – поскольку все эти вещи отвечают определенным физическим или духовным потребностям или для удовлетворения этих потребностей приняты всеми или частью представителей данного народа». Общий запас культурных ценностей для успешного дальнейшего развития должен передаваться по традиции. Это условие Н.С.Трубецкой дополняет ролью наследственности, к которой относятся «вкусы, предрасположения и темпераменты тех, кто творил культурные ценности в прошлом, что и способствует органичности всего развития культуры»[30]. Поэтому трудно представить единый путь развития цивилизации, и романо-германский мир является частью многополюсного, мультикультурного человеческого сообщества.

Исходя из утверждения общечеловеческой ценности этнокультурного разнообразия и желания евразийцев реально влиять на социокультурную ситуацию в стране, евразийская философия культуры установила свою систему координат превращения единой сущности культуры во множество разнообразных культур, совершающегося в социальном пространстве и социальном времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Давидович В.Е., Жданов Ю.А.* Сущность культуры. – Ростов-на-Дону, 1979. – С.88
2. См.: *Философия культуры.* – СПб., 1998. – С.364.
3. См.: *Мир России – Евразия*, с. 12.
4. См.: *Урханова Р.А.* Указ. дис., с. 93-94.
5. См.: *Горяев А.Т.* Указ. дис., с. 28.
6. См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М., 1991. – С. 471.
7. См.: *Мир России – Евразия*, с. 38.
8. См.: *Федотов Г.П.* О судьбе русской интеллигенции (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). – М.: Знание, 1991. – С. 3.
9. См.: *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России / Избранные статьи / - СПб., – София, 1992. Т. 2. – С.182.
10. Там же, с. 43
11. См.: *Федотов Г.П.* О судьбе русской интеллигенции, с. 145.
12. См.: *Федотов Г.П.* Россия и свобода // Судьба и грехи России, с.276.
13. См.: *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России, с. 173.
14. См.: *Мир России – Евразия*, с. 125.
15. См.: *Урханова Р.А.* Указ. дис., с. 94.
16. См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. – Б. , – 1920. – С. 22.
17. См.: *Бердяев Н.А.* Евразийцы // Путь.-1925. - №1. - С.105.
18. См.: *Горяев А.Т.* Указ. дис., с. 66.
19. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с.334.
20. См.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с. 326.
21. Там же, с. 432.
22. См.: *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России, с. 283.
23. См.: *Мир России – Евразия*, с.49.
24. Там же, с. 79.

25. См.: *Хара-Даван Э.* Евразийство с точки зрения монгола // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – Вып. 10. – С. 30.
26. См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа, с. 123
27. См.: Россия между Европой и Азией, с. 57.
28. См.: *Ильин И.А.* О русской идее // Русская идея.- М., 1992. - С. 441
29. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с. 137, 138.
30. См.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с. 64.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ «ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОГО УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ»

С евразийской концепцией культуры, с развитием русской идеи было органично связано учение о государстве, которое, по мнению исследователей, являлось «краеугольным камнем евразийства»(Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская). Одной из главных задач евразийства стала разработка евразийской идеологии доктрины о государстве, изложенной в работах Н.С.Трубецкого «О государственном строе и форме правления», П.Н.Савицкого «Хозяин и хозяйство», Л.П.Карсавина "Основы политики" и др. Исходным стало положение о том, что евразийская культура порождает государство особого типа. По Карсавину, «государство по отношению к культуре вторично и является только формой ее личного бытия. Оно не должно стеснять свободного саморазвития культурно-народной или культурно-многонародной, как Россия-Евразия, личности, в себе и через себя открывая ей путь для свободного выражения и осуществления ее воли»[1].

Подчинение государства культуре у Л.П.Карсавина и других евразийцев было принципиальным и связано с пониманием невозможности совершенных форм государственности и совершенности самой культуры, поскольку она развивается во времени и пространстве. Л.П.Карсавин, уделяя много внимания принципам культурно-государственной идеологии, предостерегал, что «ее не следует смешивать с идеологией партийною». Известно, что евразийцы негативно относились к коммунистической идеологии, считая ее прозападной. Это отношение определялось и еще тем, что она была атеистической. Они уже тогда осознавали, что в России партия может заменить государство, поэтому одним из условий развития

демократического государства они считали многопартийность. По словам Л.П.Карсавина, это «единственная гарантия против деспотии».

Одной из важных идей стала идея народного суверенитета. «Евразийское государство, - подчеркивал Н.Н.Алексеев, - является политическим образованием, как мы говорим, демотической природы. Мы хотим этим сказать, что государство наше построено на глубоких народных основах и соответствует «народной воле»[2]. Исследователи обращают внимание на то, что у евразийцев "народный суверенитет" рассматривается не как «атомизированный суррогат западной культуры», а как организованное единство и «демотические» элементы связаны с народными обсуждениями, дискуссиями, народными голосованиями и референдумами, решающими важные вопросы социальной жизни.

Не всеми разделяется убежденность Л.П.Карсавина, Н.Н.Алексеева и Н.С.Трубецкого в том, что сфера государства есть и сфера силы и принуждения. Они неоднократно подчеркивали, что одной из основных идей русской политической культуры на протяжении столетий была идея власти и подчинения, что Московское самодержавие, являясь "наследием Чингисхана", утверждалось как военно-тираническая форма правления. По словам П.Н.Савицкого, монголо-татары "дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости"[3]. Следует отметить, что Н.А.Бердяев так же считал: "Московское православное царство было тоталитарным государством"[4]. По словам Г.П.Федотова, это было "православное ханство".

Евразийцы призывали не забывать, что в развитии российского общества определяющей была роль государства. Вместе с тем Г.В.Вернадский разъяснял, что "одного взгляда на политическую историю России достаточно для избавления от мифа тоталитаризма как внутренне

присущего русской ментальности. Московское самодержавие родилось не из какой-то предполагаемой врожденной симпатии "русской души" к автократии, но из жесткой необходимости организации военной силы, достаточной для низвержения монгольского ига и обеспечения контроля над территорией слишком большой для стратегической защиты... Политическая свобода была принесена в жертву во имя национального спасения"[5].

Евразийцы первыми указали на то, что большевизм довел до логического конца развитие авторитарных начал государственности; что главная идея марксизма - отмирание государства в гражданском обществе в Советской России не реализуется; что установление тоталитарной диктатуры большевиков прервало процесс формирования гражданского общества. Вместе с тем евразийское учение об идеократическом государстве опиралось на государственное и партийное строительство в Советской России. Советский строй воспринимался евразийцами базой для дальнейшего развития, которое приведет к новому типу отбора правящего слоя – идеократию, или народную автократию. Для евразийцев идеократия – это одновременно сильная и близко стоящая к населению власть, которая сочетает «народный суверенитет с началом народоводительства» (Н.С.Трубецкой). То есть политическая воля правящего слоя должна снизу контролироваться законодательно представленной в органах управления народной волей, а сверху – добровольно принятыми идеями и ценностями религиозно-духовного и патриотического характера.

Евразийцы подчеркивали, что при такой форме правления возрастает роль личности, облегчается возможность выдвижения яркой личности к вершинам власти и придавали большое значение выдающейся личности. Рассматривая вопрос отношения идеи и личности, П.Н.Савицкий писал: «Если будет идея, будут и личности. Историческая личность

создается в обстановке и при посредстве исторической идеи» и подчеркивал: «Идея воспитывает личность, питает ее соками, дает силу, ведет в действие»[6]. Особенно важным является воспитание в народе евразийско-идеократического правосознания. Оно позволит избежать потенциального недоверия народа к любому правлению. По мнению Трубецкого, такое воспитание, сочетающее религиозно-духовные, этнические и социально-политические проявления государственности, – лучший способ формирования созидательной духовной атмосферы общества.

Евразийский проект будущего государственного строя России (после падения большевизма) – построение «Государства Правды», соединяющего в себе правовые законы и начала нравственности и совести. Этому была посвящена большая и интересная работа Н.Н.Алексеева "На путях к будущей России", которая, к сожалению, пока менее известна, по сравнению с другими евразийскими трудами. В ней обращают на себя внимание размышления Алексеева о судьбе советского строя и государства: " Не может быть ровно никакого сомнения, что рано или поздно русский народ придет к полному сознанию, что "правда" советского государства превратилась в "кривду" коммунистической системы. И тогда русскому народу придется решительно порвать с коммунизмом. Но куда же он вернется, этот поверивший в правду коммунизма русский народ? Назад к "буржуазному", "капиталистическому" строю? Можно наверняка сказать, что этого в России не будет. Он по-прежнему будет бороться с эксплуатацией и рабством во имя человеческой свободы, но уже не в коммунистических целях и не коммунистическими средствами. Здоровье будущего русского государства обусловлено тем, что оно также должно стать "государством правды"[7].

Как считали лидеры евразийства, именно эта идея – ключ, который «открывает тайну управления» огромными пространствами Евразии, которая должна стать великим государственным целым. «Государство Правды» у евразийцев только этап на пути достижения идеала. Евразийцы совершенно правы, напоминая, что история Руси была и историей поисков государственных идеалов, которые были связаны с православием, с идеей «возвращения правды на землю». Идеократия, согласно евразийскому учению, предполагает духовный импульс, главенство нематериального подхода к государственному устройству, класс «духовных вождей».

Снова стала вызывать интерес одна из идей социальной философии евразийцев, обосновывающая проект будущего государственного строя, идея «отбора правящего слоя» Н.С.Трубецкого. Утверждая, что для характеристики государства главное – не тип формы правления, а тип отбора правящего слоя, Н.Трубецкой выделял два типа такого отбора: аристократический, выбирающий правящий класс по принципу генеалогии и знатности происхождения, и демократический, формально производящий отбор по признаку отражения общественного мнения и получения общественного доверия. Евразийцы были убеждены, что фактически правящие слои демократического типа не столько отражают волю народа и общественное мнение, сколько манипулируют ими, внушая собственные идеи под видом мнения самих граждан. Исходя из этого, многие из них считали монархию непригодной для будущей России в силу исторической обреченности этой утратившей связи с народом формы правления, а демократию – в силу ее исторической чужеродности, псевдонародного характера и безыдейности.

Согласно евразийскому проекту наиболее органичный для России государственный строй должен вбирать в себя лучшие черты монархии (авторитарность и силу, не переходящие в тоталитарность) и демократии

(участие широких масс в государственном строительстве, но не формальное, а реальное). Главное, чтобы этот строй наиболее эффективно позволил выдвинуться самым талантливым и творческим людям, для которых государственные и экономические идеи не самоцель, но явление, подчиненное «духовно-патриотическим началам». Н.С.Трубецкой считал, что всесторонняя разработка теории идеократического государства является неотложной задачей современности, что наступает эпоха создания нового типа государства с совершенно новым политическим, экономическим, социальным, культурным и бытовым укладом[8].

Говоря о том, что европейский демократический строй как таковой решительно неприменим к условиям России, можно уточнить: евразийцы не отрицали того, что в европейской обстановке он может являться годным решением. «Но в том-то и заключается качество России как особого мира, - указывал П.Н.Савицкий, - что в России обстановка иная. Там, где широко развитый этатизм и «плановое хозяйство» есть жизненная реальность, в государственной жизни должна существовать определенная «константа», некоторый стержень, который давал бы устойчивость жизни государственного целого»[9]. Такой «константой», по мнению евразийцев, должен являться «государственный актив», снабженный определенными конституционными правами и тесно сотрудничающий с системой представительных учреждений(советов). Они считали, что существующие в коммунистической России советы представляют собой фикцию.

Следует признать историческую правоту евразийского варианта идеократического государства. Они были правы в том, что одной из основных идей русской культуры на протяжении столетий была идея власти и подчинения. В основе философского обоснования роли «истинной» идеологии лежали некоторые положения философии Всеединства. Как в евразийской теории культуры, так и в учении о государстве понимание

субъекта как соборного, симфонического, предполагало подчинение самой личности тем ее началам, которые обеспечивают единство личностного бытия с соборным целым. Так, Л.П.Карсавин в «Основах политики» писал: «В силу же первенствующего значения, которое принадлежит преимущественному выразителю единства личности, то есть ее соборного сознания и ее соборной воли, между ним и прочими моментами личности должны установиться отношения господства и подчинения, а сам он должен обладать некоей сферой или областью безусловного господства, то есть властью»[10]. Распространение идей «соборности, симфонической личности», философии Всеединства на общество предполагало обязательность единства идеологии правящего слоя и народа.

Свое отношение к идеологии власти выразил Н.А.Бердяев в статье «Утопический этатизм евразийцев»: «Мне представляется ложным и не христианским отношение евразийцев к государству. С этим связано и их отношение к личности и свободе». Для него была неприемлема абсолютизация государства, понимание государства как идеократической системы. Бердяев, признавая, что евразийцы правы, когда хотят базироваться на подобранном правящем слое, считал, что утопический этатизм приводит евразийцев "к той ложной и опасной идее, что идеократическое государство должно взять на себя организацию всей жизни, то есть организацию всей культуры, мышления, творчества, организацию и душ человеческих, что есть задача Церкви». И он в определенной степени был прав, говоря, что своим этатизмом, своей мечтой о совершенной организации жизни через государство евразийцы порывают с традициями нашей национально-религиозной мысли, порывают со славянофилами и Достоевским и, в сущности, как это ни странно, вступают на путь европеизации и американизации России, так как Европе характерна значимость такой государственности, любовь к власти, формализм[11].

Проблема государственного устройства России в среде русской эмиграции была одной из широко обсуждаемых, но последнее пока в литературе не получило освещения. Между тем оно представляет интерес. Так, итогом осмысления пореволюционных изменений в общественно-государственном устройстве Советской России, кроме публикации Н.А.Бердяева, стали размышления Г.П.Федотова, Ф.А.Степуна. Г.П.Федотов делал акцент на развитие идей христианского социализма и считал, что евразийцы полностью приняли идеи большевизма, которые не позволяют развиваться «свободной социальной демократии». Ф.А. Степун в работе "Идея России и формы ее раскрытия" подчеркивал: "Политическую форму, в которой наиболее легко будет удумать русскую жизнь, согласно русской идее, мне на ближайшее после падения или низвержения большевиков время представляется республика с очень сильной президентской властью. Президент выбирается всенародным голосованием на пятилетний срок. На этот срок он получает диктаторские полномочия"[12]. Сочетание сильной президентской власти со свободно выбранными советами Ф.А. Степун определял как строй авторитарной демократии и обращал внимание на идеократический характер всех современных антибуржуазных и антилиберальных диктатур.

Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий, Л.П.Карсавин отмечали неоднократно: черты идеократии свойственны советскому большевизму, его тоталитаризм, связанный с коммунистической идеологией, идеей диктатуры пролетариата, неизбежен. Так, Н.С.Трубецкой в «Общевразийском национализме» признает идею диктатуры пролетариата только как «фактор, объединяющий все народы СССР в одно государственное целое и противостоящий националистически-сепаратистическим течениям»[13].

Вождей евразийства тревожила противоречивость идеократии большевиков. Ее обреченность они определяли отсутствием обращенности

к высшим духовным ценностям. По мнению Н.С.Трубецкого, подлинная идеократия должна определяться неовизантийской, неоимперской моделью, христианской моралью и этикой. Евразийская идеократия мыслилась прежде всего как православная. Он и П.Н.Савицкий не раз указывали, что коммунистический режим не признается идеократией в подлинном смысле слова, так как она не обращена к высшим ценностям православия. Идеократия евразийского типа противопоставлялась и прагматическому, утилитарному буржуазному строю Запада.

Известно, что евразийские представления об идеократии и этатизме вызывали критические замечания со стороны многих современников. Например, Ф.А.Степун считал, что евразийцам угрожает соблазн фашистского этатизма (идеократия, однопартийность, правящий отбор)[14]. Один из критиков - П.П.Гронский писал: «Идеократия князя Н.С.Трубецкого есть не что иное, как такая система управления страной, которая в корне отрицает основной принцип современного демократического государства – участие всех и каждого в государственной власти через систему народного представительства и широко развитого местного самоуправления»[15]. П.Н.Савицкий, отвечая на это, подчеркивал, что и народное представительство и самоуправление евразийцы считают необходимым элементом евразийского государства и воплощают оба этих начала в преобразованной системе Советов. Идеократия не противоречит принципу народного представительства. В идеократическом государстве он связан с государственно-правовым оформлением «правлящего отбора», который является «государственным активом».

По убеждению евразийцев, нормальное государство возможно только там, где эта константа находится в постоянном взаимодействии с учреждениями, представляющими начало народности в государственном строе. Это и есть преобразованная система советов. Советы, как

представительный орган власти, по выражению евразийцев, способны «канализировать» стихийные устремления масс в заданное «правлящим слоем» русло. В частности, Л.П.Карсавин считал, что основы соответствующего культуре России-Евразии государственного строя уже заложены[16].

Основы государственного строя евразийцы связывали и с советским федерализмом. В коллективном манифесте «Евразийство» указывалось: «С нашей точки зрения революция привела к созданию наилучшим образом выражающей евразийскую идею форме – к форме федерации». По мнению авторов манифеста, федеративное устройство не только внешне отмечает многочленность евразийской культуры, вместе с тем сохраняя ее единство. Важно, что «оно способствует развитию и расцвету отдельных национально-культурных областей, окончательно и решительно порывая с тенденциями безумного русификаторства»[17]. Лидеры движения исходили также из того, что крепкое государственное устройство, по словам Савицкого, может основываться только на самостоятельности его частей. Представителей русского зарубежья, в такой же степени, как и евразийцев, волновала тема государственного устройства новой России. По мнению Г.П.Федотова, идея федерации - это прекрасная, разумная программа: "Для малых народов она обещает свободу и преимущества жизни в великом, веками сложившемся организме". Федотов считал, что если бы федеративный строй России осуществился в 1905 г., он продлил существование империи на несколько поколений"[18].

Евразийские взгляды на федерацию, также как и другие концептуальные «утверждения», во многом представляли собой синтез истории, культурологии, географии, геополитики и этим они ценны, этим в значительной степени определяется современный резонанс евразийства. . Так, федерацию П.Н.Савицкий рассматривал и как особый геополитический

организм. Говоря о том, что наше время есть эпоха создания огромных экономических объединений, «государств-материков», охватывающих большие пространства и обеспечивающих в своих пределах беспрепятственность и устойчивость экономического оборота, он указывал, что Россия-Евразия " по своим географическим особенностям и по своей истории представляет собой идеальный пример «государства-материка». И география, и история, и потребности современной жизни в равной степени противостоят расчленению»[19].

П.Н.Савицкий подчеркивал важность понимания того, что политическое объединение «собора наций» являлось результатом усилий не одного лишь русского народа, но и многих народов Евразии. Это должно найти выражение не только в чисто культурной области, но и в формах государственного устройства. При этом в пределах политического единства «каждому народу Евразии должна быть обеспечена область самостоятельной государственной жизни»[20]. Кажется, что это было написано вчера для сегодняшнего читателя.

П.Н.Савицкий, Н.С.Трубецкой, Г.В.Вернадский были убеждены в том, что Россия должна продолжать традиции евразийской государственности. Обращение к всемирной истории показывало, что евразийское государство всегда понимало себя как «собор национальностей», «собор вер». В частности, П.Н.Савицкий указывал, что для скифской, гуннской и особенно монгольской державы XIII-XV вв. была свойственна национальная и религиозная терпимость, что и в Московском государстве времен Ивана Грозного «была руководящей та своеобразная формула терпимости, которая издавна выработалась в истории кочевых держав и гласила, что плохо то государство, в котором нет разнообразия языков и вер»[21].

Вновь актуальными стали вопросы, которые предлагались для обсуждения Н.Н.Алексеевым: «1)вопрос историко-социологический, или вопрос о центростремительных и центробежных силах русской истории, обнаружившихся в течение революции 1917г.; 2)вопрос юридико-догматический, или вопрос о содержании тех норм и инстинктов, которые родились в процессе советского «федерального» устройства России и 3)вопрос политический, или вопрос о ценности и целесообразности советского «федерализма» для возможного будущего правительства в России»[22].

Н.Н.Алексеев, являющийся, по определению А.Дугина, "столпом теории евразийского права", указывал, что Россия ныне самое унитарное и еще вдобавок самое централистическое государство, что, если взглянуть на советский федерализм с точки зрения коммунистической диктатуры, то вопрос о его существовании решается легко и даже просто снимается с обсуждения. Советское государство управляется коммунистической партией, партия, как известно, построена чрезвычайно централистически, никаких федеральных или автономных частей у партии нет, нет никакого национального самоопределения, официальный язык у партии до последнего времени был один русский, все в партии совершается по директивам центра. Он подчеркивал, что русская история слагалась из двух противоположных процессов – центростремительного и центробежного и только первый привлекал преимущественное внимание историков. Революция 1917 г. «внесла децентрализованные процессы на поверхность русской общественной жизни», хотя эти процессы существовали как скрытые. После революции, по словам Алексеева, «перед правящей в России партией встала следующая запутанная и сложная задача: превратить агломерат накраденных провинций в союз «трудящихся и эксплуатируемых» классов тех наций, которые входили в империю» при

условии большевистской диктатуры. Говоря о том, что приходится признать начала федеративного устройства Советского Союза, закрепленного в Конституции, он призывает не забывать о том, что советский федерализм по сравнению с федерализмом западных государств имеет особую природу, связанную с тем, что не государство, а класс является субъектом федерации. «Поэтому, - указывает Н.Н.Алексеев, - в Советский Союз могут вступить только те политические единицы, в которых осуществлена «диктатура пролетариата» или, вернее, диктатура коммунистической партии»[23].

В наше время становятся важными взгляды Н.Н.Алексеева на особенность и сущность национальной политики в Советском Союзе. В частности, его тревожило, что принцип национальности ограничивается принципом социального идеала, который ставится выше нации и ее самостоятельного бытия. Это привело к тому, что из «рабочего интернационала родился самый настоящий, местный провинциальный национализм». Пророческими стали его рассуждения о том, что «самоопределившиеся народности, которые не всегда составляют большинство населения национальных республик, начинают проявлять национальный шовинизм, начинают угнетать живущие в их пределах национальные меньшинства. Это чрезвычайно грозное явление, быть может, одно из самых опасных для судеб не только советского правительства, но и будущей России»[24]. Поэтому Н.Н.Алексеев обосновывает предлагаемый принцип федерации – преобразование федерализма из национального в областной. Принципом федерации должна быть не национальность, но реальное географическое и экономическое целое в виде областей или края. Этот принцип также связывается с культурой: «Такое целое необходимо должно быть или стать и культурным целым, во многих случаях совпадая с национальным», а «Совет

Национальностей должен быть постепенно преобразован в Совет Национальностей и Областей».

Н.Н.Алексеев, предостерегая от проекта использования федерализма западных стран, подчеркивает, что попытка «перестроить Россию на манер Соединенных Штатов Америки» обернется для нее кризисом государства и культуры[25]. Такое представление о федерализме определялось пониманием того, что в России начался процесс трансформации федерации в сверхцентрализованное государство. Как известно, в наше время идеи евразийцев о преобразовании принципа федерации Советской России оказались востребованными для некоторых политических партий (ЛДПР), отдельных представителей власти. Надо думать, что такое возможно при создании всех условий для возрождения и развития национальных культур и языков.

Говоря о том, что евразийская культура порождает государство особого типа, определенного как идеократическое, П.Н.Савицкий, Н.С.Трубецкой, Л.П.Карсавин в своих работах подчеркивали, что государство – это вторичная форма бытия культуры, что государство – «это и есть сама культура в ее единстве». Из этого следовало, что сфера государства – все сферы жизни общества. В «Основах политики» Л.П.Карсавин отмечает: «С точки зрения европейских представлений о государстве и европейской антитезы «государства» и «общества» это неизбежно будет воспринято как предельный «этатизм», как неслыханное засилье государства. На самом деле подобные обвинения нас нимало не затрагивают...». Сохраняет значимость его вывод: «Ведь государство в таком большом и многонациональном, культурном целом, как Евразия – Россия, может только или быть сильным или совсем не быть»[26].

Для евразийского понимания структуры власти также была характерна антизападность. Так, рассматривая парадигму власти в Европе,

Л.П.Карсавин обращает внимание оппонентов на то, что разделение законодательной и исполнительной властей закончилось неудачей, так как обе власти сосредоточились в парламенте, «который и законодательствует и «исполнительствует» при помощи выбираемых и свергаемых им правительств и многочисленных комиссий. Так может существовать только слабая власть и в действиях своих неумная власть. В самом парламенте голов больше, чем умов, а «умы» нейтрализуются взаимною борьбою и неизбежно при неорганизованности правящего слоя многопартийностью. Нужен иной исход»[27].

Личность, иерархия личности стала определяющей идеей учения о государстве. Государственность согласно этой идее – единство соборной личности (многонационального культуро-субъекта или народа, нации). Л.П.Карсавин в "Основах политики" подчеркивает, что для того, чтобы единичные акты правительства получали полную определенность и конкретность, а не превращались в абстрактные компромиссные формулы, необходимо и в самом правительстве некоторое преобладание индивидуально-личного начала. И для того чтобы длительная и многообразная деятельность правительства являлась целостной и последовательной, необходимо постоянство этого начала. У евразийцев особое внимание уделялось взаимоотношениям личности и коллектива, общества в контексте неовизантийской модели государства. Она считалась возможной в силу исторической традиции доминирования в личном и общественном сознании феномена государства над другими институтами.

Согласно евразийской концепции существование государства предполагает: 1) существование преимущественного субъекта государственности, т.е. правящий слой; 2) организацию как форму бытия и деятельности правящего слоя; 3) организационные формы, определяющие его отношение к другим частным соборным субъектам,

индивидуализирующим целое; 4) область правящего слоя, т.е. его суверенную власть и внешние пределы действительности или территорию.

Известно, что учение о государстве русской общественностью за рубежом было встречено по-разному, что евразийцев даже сравнивали с итальянскими чернорубашечниками, которые, как и евразийцы, отвергали недавнее прошлое во имя великого наследия более древней истории. Оппоненты считали, что евразийцев и итальянских фашистов роднят имперские и геополитические амбиции. Между тем программные работы лидеров евразийства показывают, что разновидности фашизма в Европе не признавались подлинной идеократией, т.к. эти социально-политические формы воплощали идеи расовой теории. Так, Н.С.Трубецкой в статье «О государственном строе и форме правления» указывал, что в Италии «сущность идеократии заслонена культом личности Муссолини и голым организационизмом; благодаря этому фашизм не создает стройной мирозерцательной системы» и в результате основная идея фашизма «сводится почти к обожествлению итальянской нации». О безосновательности обвинений оппонентов говорит вывод Н.С.Трубецкого: «И фашизм, и коммунизм – лжеидеократии. Настоящая идеократия еще не появилась, но не замедлит появиться. Пока же сама жизнь в лжеидеократических странах создает для этой настоящей идеократии политические, экономические и бытовые формы и условия». Трубецкой оказался прав в том, что «в ближайшем будущем предстоит перекройка карты земного шара», что водворение идеократического строя во всем мире неизбежно, что СССР «несколько ближе к этой цели только потому, что территория его представляет собою потенциально автаркический особый мир, населенный разными неродственными, но связанными общей исторической судьбой народами». Вместе с тем Трубецкой предсказывал, что подлинная идеократия может достаться ценой

очень тяжелых испытаний. Спасение России от большевизма с его ложной идеократией евразийцы связывали с возможностью использования готовых структур власти, заменив коммунистическую партию православно-евразийской партией.

Особой заслугой евразийцев явилось то, что они разрабатывали проект государства нового типа исходя из веры в будущее России. Главной целью провозглашалось единство всех сфер нецерковного евразийского мира. Время показало верность и созидательный потенциал основных положений евразийского учения о государстве, который определяется тем, что и здесь лидеры евразийства исходили из принципа "познай себя и будь самим собой".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Россия между Европой и Азией, с.191.
2. Там же, с.168.
3. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с. 334.
4. См.: *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990. - С.10.
5. См.: *Вернадский Г.В.* Киевская Русь, с. 25.
6. См.: *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Мир России – Евразия, с.67.
7. См.: *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России // Русский народ и государство - М.: Аграф - 2000. - С. 315.
8. См.: *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // Наследие Чингисхана, с.489.
9. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с.108.
10. См.: Мир России – Евразия, с.116.
11. Там же, с.67.
12. См.: *Степун Ф.А.* Чаемая Россия, с. 216.
13. См.: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с.498.
14. См.: *Степун Ф.А.* О свободе // Чаемая Россия, с. 270.
15. См.: *Гронский П.П.* Идеократия // Последние новости. 22 сентября 1927г.
16. См.: Мир России – Евразия, с.333.
17. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с.62.
18. См.: *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. - Т.2. - С. 322.
19. См.: Мир России – Евразия, с.154.
20. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с.110.
21. Там же.
22. Там же, с.156.
23. Там же, с.167.
24. Там же.
25. Там же, с.173, 174.
26. См.: Россия между Европой и Азией, с.197.
27. Там же, с.198.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ «СОВРЕМЕННОЕ ЕВРАЗИЙСТВО»

Идеи евразийства, малоизвестные и малодоступные в недавнем прошлом, стали востребованными в современной России. Свое оригинальное развитие они получили прежде всего в творчестве Л.Н.Гумилева. Называя себя «последним евразийцем», Гумилев в своем последнем интервью, отвечая на вопрос: Каким Вы видите будущее евразийства, что наиболее актуально и ценно в нем сейчас?, сказал: «Благодаря евразийству и той солидной исторической подготовке, которой обладали евразийские теоретики, ныне можно объединить такие науки, как история, география и природоведение. И в этом я вижу главное научное достижение, а равно и главную научную перспективу евразийства»[1].

Евразийская доктрина Гумилева, представляющая собой синтез истории, географии и естествознания, многими продолжает восприниматься неоднозначно. В одной из своих значительных работ «От Руси к России» сам ученый отмечает: «Неподготовленному читателю изложение концепции этнической истории наверняка кажется экстравагантным до неприличия, и для такого мнения действительно есть некоторые основания»[2]. Но именно благодаря своей сложности и необычности его концепция истории, развития культуры евразийских народов определяет новые парадигмы знания. Прежде всего потому, что они были связаны, как и у евразийцев, с геополитическим аспектом, с исторической географией. П.Н.Савицкий подчеркивал, что выяснение "начал месторазвития есть большая и плодотворная научная задача, ее можно ставить применительно к различным вопросам и различным отраслям"[3]. Л.Н.Гумилев, развивая идею "месторазвития", не только на огромном фактическом материале решал эту задачу, но по-новому и по-своему взглянул на многие факты

исторической географии. Из опубликованной переписки с П.Н.Савицким известно, что тот, оценивая открытия Гумилева, признавал: «Вам принадлежит безусловный приоритет».

Согласно Гумилеву, этносы возникают на границах ландшафтных зон, все этносы при миграциях выбирают экологическую нишу, похожую на их родину. Так, рассматривая движение первых русских землепроходцев «встречь солнца», Гумилев в работе «От Руси к России» подчеркивает, что предки не вышли за пределы привычного им кормящего ландшафта – речных долин. Точно так же, как русские люди жили по берегам Днепра, Оки, Волги, они стали жить по берегам Оби, Енисея, Ангары и множества других сибирских рек. По Гумилеву, разнообразие ландшафтов Евразии влияло на этногенез ее народов и для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения.

Для многих, раньше и до сих пор, кажется преувеличенным утверждение евразийцев и "последнего евразийца" Л.Н.Гумилева об обусловленности исторических процессов природным, географическим фактором. В свое время критиковался "географический детерминизм" историсофской концепции евразийства. Л.Н.Гумилев продолжил и развил традиции П.Н.Савицкого, Н.С.Трубецкого, Г.В.Вернадского и других известных представителей движения, которые излагали русскую историю и как борьбу "леса" и "степи", стремившихся сыграть главную роль в формировании единой государственности и культуры. Введенный ими термин "месторазвитие" он также использовал для обозначения географических границ каждой культуры и определения среды ее разветвления, "почвы", влияющей на особенности культурного развития. Гумилев на большом материале развил идею Г.В.Вернадского о том, что своеобразие уклада жизни, культуры и государственности определяет

"евразийская почва", само пространство "срединной Евразии", главными географическими зонами которой являются лес и степь.

Развивая идею самобытности истории евразийских народов, Гумилев основывался на своей теории этногенеза. Как и евразийцев и многих других философов, его волновал вечный вопрос: «Запад или Восток?». Евразийцы считали, что Россию нельзя относить ни к «отсталой части Европы», ни к «развивающейся части Азии», Россия – Евразия – это особое «месторазвитие». Они верили в возможность появления евразийской империи, которая должна стать Государством Духа и нового человека. Гумилев в одном из последних исследований «От Руси к России», по-новому осмысливая историю евразийских народов и подчеркивая их самобытность, пишет: «Исторический опыт показал, что пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами – пытались всех сделать одинаковыми»[4]. Вспомним евразийское кредо: "будь самим собой".

Как и евразийцев, Гумилева привлекала история кочевых обществ и народов. На титульных листах своих книг «Древние тюрки» и «Поиски вымышленного царства» стоят такие слова: «Посвящаю эту книгу нашим братьям – тюркским народам Советского Союза» и «Братскому монгольскому народу посвящаю». Его изучение взаимоотношений Руси и Золотой Орды дополнило интерпретацию евразийцев и позволило в «От Руси к России» сделать вывод о том, что русские княжества, принявшие союз с Ордой, полностью сохранили идеологическую независимость и политическую самостоятельность. Это было новое осмысление русской истории в советской науке. Как известно, свою концепцию о татаро-

монгольском иге Гумилев создал независимо от концепции евразийцев, но результаты глубокого изучения этнической истории «От Руси к России» совпали. Прежде всего они касались евразийского утверждения о том, что государственность России-Евразии создавалась и другими народами, что большую роль сыграло и наследие империи Чингисхана.

Результатом позднего знакомства Гумилева с "Наследием Чингисхана" и другими трудами Трубецкого стали «Заметки последнего евразийца», опубликованные в «Ритмах Евразии». Соглашаясь с основными взглядами Трубецкого на наследие империи Чингисхана, на этот период истории России, Гумилев по-своему интерпретирует некоторые вопросы татаро-монгольского ига. В частности, в «Заметках» он пишет: «Сомнения в действительном существовании «ига» вызывает следующий факт. В 1312 году хан Узбек насильственно ввел ислам как государственную религию Орды. Принятие ислама ... не распространялось на русские княжества! Более того, противники ислама находили на Руси надежное убежище. Это показывает, что зависимость Руси от Золотой Орды ограничивалась политической сферой, но не распространялась в области идеологии и быта[5]. Говоря о том, что Н.С.Трубецкой придерживается традиционной точки зрения о существовании татарского ига на Руси и что она не вполне увязывается с представлениями автора о евразийском единстве, Гумилев делает важную оговорку: «Н.С.Трубецкой работал на том уровне европейской науки, который ныне, безусловно, устарел. Мы внесем поправки и проверим концепцию кн. Н.С.Трубецкого на прочность, используя материал, неизвестный автору. Если концепция верна, то выводы должны сойтись»[6]. Знакомство с изданными трудами Гумилева показывает, что выводы эти сошлись. Известно, что взгляды Гумилева на историю взаимоотношений Руси и Золотой Орды вызвали разное отношение. Для одних он русофоб и монголофил, для других – высокий

авторитет в области этнической истории Евразии. Так, Айдер Куркчи безусловно прав, когда, оценивая наследие ученого, в предисловии к «Поискам вымышленного царства», признанном самым фундаментальным исследованием истории Центральной Азии IX-XIII вв., пишет: «Великий Гумилев был лучшим русским монголоведом, завершившим на сегодня русское классическое монговедение».

Многолетнее изучение древней и средневековой истории и культуры народов Евразии позволяло Гумилеву вслед за Н.С.Трубецким и другими евразийцами утверждать, что культура одинаковая для всех – невозможна. В «Поисках вымышленного царства» он с позиций созданной им науки – этнологии показал, что каждый этнос и суперэтнос обладает своим стереотипом поведения, собственной системой ценностей, своей этнической доминантой. Общечеловеческие ценности возможны при слиянии всех этносов в гиперэтнос, а это, по мнению Гумилева, с позиций этнологии маловероятно. В очерках этнической истории «От Руси к России» Гумилев объясняет эту маловероятность: «Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы не изучали европейский опыт, мы не сможем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения»[7].

Как и евразийцев, Гумилева тревожило, что в России усиливается влияние западного прагматизма. Он предупреждал, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция. Для него было ясно, что наложение западной психологии и культуры может убить страну так же, как это случилось с арабами в XI веке. В очерках этнической истории

«От Руси к России» он убедительно показал, что евразийское единство всегда было предпочтительнее союза с Западом. Причем, как пишет Гумилев, те русские княжества, которые отказались от союза с татарами, были захвачены частично Литвой, частично Польшей, и судьба их была очень печальной. В рамках западноевропейского суперэтнуса русичей ждала участь людей второго сорта.

В одном из интервью, говоря о том, что он разделяет взгляды евразийцев на проблему «Восток-Запад», Гумилев выделяет: «Евразийский тезис: надо искать не столько врагов... а надо искать друзей... и союзников нам надо искать искренних. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами». По глубокому убеждению Гумилева, «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только «через евразийство»[8]. Возрождение, развитие Л.Н.Гумилевым в новых исторических условиях и на огромном уникальном материале идей классического евразийства во многом определило постевразийство, неоевразийство не просто как моду, но как веление времени.

Пути культурно-исторического развития России после распада СССР и формирования новой экономики, политической культуры в контексте идей евразийства, неоевразийства стали активно обсуждаться в начале 90-х годов на страницах ведущих журналов и газет. Многие представители лагеря демократов исходили из того, что Россия является одновременно и европейской, и азиатской страной и она может быть естественным посредником, мостом между Востоком и Западом. Представители разных политических партий, видные общественные деятели, известные ученые, писатели и др. в начале 90-х годов, пытаясь выработать концепцию «новой России», нашли ее в понятии «евразийство», в его идеях.

Как уже отмечалось, в последние годы идеи евразийства стали обсуждаться среди широкого круга общественности. Возродился интерес к ним у политиков в связи с тем, что в настоящее время в России предпринимаются попытки определить национальные интересы страны, национальную идею. Ведутся споры об очередном историческом выборе России, ее роли в мире, отношениях с Западом и Востоком. Признается, что эти споры будут злободневными до тех пор, пока не обретется тот путь, который объединит россиян. Все больше голосов начало раздаваться в защиту тезиса о том, что Россию следует рассматривать как евразийскую страну, основные интересы которой сосредоточены в Азии, что Россия не просто занимает особое географическое положение, Россия уникальна именно тем, что соединяет в себе восточное и западное начало.

Разные общественно-политические круги постсоветской России отдают приоритет или признают ту или иную евразийскую идею, не разделяя другие взгляды классических евразийцев. Рассматривают Россию как уникальную страну, совершенно отличную от Запада, современные русские национал-патриоты. С точки зрения национал-патриотов, «уникальные» особенности России означают, что она не может использовать опыт Запада ни в сфере экономических, ни в сфере политических реформ. Так, на страницах их основного печатного органа газеты «День»(в состав редакции которой входили Валентин Распутин, Станислав Куняев, Игорь Шафаревич, Александр Невзоров, редактор - А.Проханов) активно пропагандировалась антизападная идеология. Весной 1992 г. эта газета опубликовала серию статей о «последней схватке» евразийского и атлантического континентов, отражающих антиамериканские настроения. Авторы писали о «наших людях»: «В данный момент в Российской империи понятие «наши» стало эквивалентом концепции евразийства, которая объединяет не только русских и славян, но

и татар, турок, финно-угорские народы и всех тех, кто осознает свои генетические связи с империей и имперским идеалом»[9]. «Евразийство» национал-патриотов ограничивалось антизападничеством. В те годы Леонид Васильев подчеркивал, что демократы должны противопоставить национал-патриотам свою собственную «русскую идею», вернуть себе национальное, культурное и историческое наследие, которое они попытались присвоить только себе, и создать таким образом новый национально-культурный идеал.

В 90-е годы интерес к евразийству уже оформился как идеологическая концепция. Об этом говорят материалы журнала «Свободная мысль», в котором весной 1992г. были опубликованы статьи о евразийстве как идеологическом и политическом движении русского зарубежья, и серия статей, посвященных «русской идее», так, например, В.Хорес в «Русской идее на историческом пространстве» писал, что России предстоит найти новую культурно-историческую парадигму. Эти поиски определили общие идейные предпосылки неоевразийства.

Повышенный интерес к евразийству как когда-то забытому течению социально-философской мысли в целом определяется многими причинами. Среди них не только возрождение роли русского зарубежья в современной жизни России, распад «Советского Союза» и связанная с ним сегодняшняя ситуация политической жизни, но и необходимость новых отношений с бывшими союзными республиками, геополитические и экономические интересы России и т.д. Одним из явлений культуры и общественной жизни постсоветской России становилось неозападничество и неославянофильство. В связи с этим поворот части современной российской интеллигенции и общественности к евразийству закономерен. Неоевразийство начала 90-х годов не стало идеологией конкретных политических организаций, а было характерно для определенной части

интеллекции, прежде всего научной общественности. Проблематика неоевразийства отразилась в исследованиях Б.С.Ерасова, А.С.Панарина, А.Г.Югая и других известных ученых.

Неоевразийство стало ответом на неозападничество, которое объективно во многом связано с тем, что Россия является социально-политическим сообществом, уровень жизни которого остается ниже среднеевропейского. Один из императивов развития общественной мысли тогда и сейчас связан со стремлением догнать Запад. Пророческими в нынешней ситуации являются слова Трубецкого: «Не имея возможности идти нога в ногу с романо-германцами и постепенно отставая от них, европеизированный народ время от времени пытается нагнать их, делая более или менее далекие прыжки. Эти прыжки нарушают весь ход исторического развития. В короткое время народу нужно пройти тот путь, который романо-германцы прошли постепенно и в течение более долгого промежутка времени... Последствия такой скачущей эволюции поистине ужасны»[10]. На это указывал и Л.Н.Гумилев. Такое мнение разделяют современные антизападники и евразийцы.

В постсоветское время в связи с опасностью распада нового российского государства широко обсуждался вопрос «Как обустроить многонациональную Россию?». Как известно, Ельциным было дано специальное задание ученым разработать «национальную идею», национально-государственную доктрину. Тогда снова стали актуальными и обсуждаемыми идеи евразийства, неоевразийства, высказывания известных российских философов, историков о России как о целостном экономическом и культурно-духовном пространстве. В связи с этим следует вспомнить, что И.А.Ильин, как и евразийцы(хотя был их идейным противником), считал: «Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, культурный, правовой, государственный,

хозяйственный и антропологический. Этому организму несомненно предстоит разработать новую государственную организацию. Но расчленение его поведет к длительному хаосу, ко всеобщему распаду и разорению, а затем – к новому собиранию русских территорий и российских народов в новое единство»[11]. Не только евразийцы, но и другие крупные русские философы подчеркивали, что со времени образования государственности россиянам были свойственны национальная и религиозная терпимость, а народы и народности не подвергались дискриминации, как в некоторых других империях. На это обращал особое внимание И.А.Ильин, отмечая, что «сколько Россия малых племен получила в истории, столько и соблюла». Другой крупный русский мыслитель И.Л.Солоневич писал: «Русский «империализм» наделал достаточное количество ошибок. Но общий стиль, средняя линия, как правило, заключались в том, что человек, включенный в общую государственность, получал все права этой государственности, министры-поляки (Чарторыйский), министры-армяне (Лорис-Меликов), министры-немцы (Бунге) – в Англии невозможны никак. О министре-индусе в Англии и говорить нечего. В Англии было много свобод, но только для англичан. В России их было меньше – но они были для всех»[12].

Евразийцы писали о том, что исторически так сложилось, что русское национальное сознание, как правило, не делает различий между исконно русскими территориями и территориями позднего заселения русскими. После распада Советского Союза Россия делается все больше русской страной. В союзных республиках русской диаспоре государством была отведена роль определенных трудовых ресурсов (работа на промышленных предприятиях, служба в армии, милиции и т.п.). В новых условиях такая роль значительно снизилась. Эти и другие известные причины вызвали миграцию русских из бывших союзных республик.

Опубликованные в печати данные показывают, что приток русских мигрантов в национальные регионы Российской Федерации незначителен, в основном он связан с традиционно «русскими» областями. Другой особенностью современной этнодемографической ситуации является увеличение численности населения титульной национальности в ряде республик. Это, а также формирование своей интеллектуальной элиты, ослабление политической роли центра привели к быстрому росту национального самосознания, к движению за возрождение нерусских народов, которое, иногда принимая формы национализма (требование особых привилегий, особого статуса титульной нации), формирует также идеологию политических и культурных претензий[13].

В связи с тем, что идея «советского народа» как новой исторической общности прекратила свое существование, российское руководство поставило задачу новой идеологической работы в сфере межнациональных отношений. При этом национальные отношения связывались с вопросами национальной безопасности России. В Послании Б.Н.Ельцина Федеральному собранию в 1996 году была сформулирована задача «постепенного формирования тесного сообщества всех проживающих на территории России народов, их национального самосознания, при котором чувство принадлежности к единой стране играет важнейшую роль в ее сохранении и демократическом развитии». В концепции национальной безопасности Российской Федерации провозглашалось, что «укрепление единства, солидарности народов многонациональной России» является «важнейшим принципом развития общественных отношений и современной отечественной культуры». Это по сути возрождение идеи "общевразийского национализма" Трубецкого.

В новой российской действительности проблемы этничности и национализма стали как никогда широко обсуждаемы. То, что Россия, с

одной стороны, становится все более русской, а с другой стороны, растет национальное самосознание и развивается культура российских этносов, привело к возрождению «русского вопроса», о котором предупреждали лидеры евразийства. Одно из его решений связывалось с необходимостью начать национальную пропаганду, даже с призывом «до предела нагнести националистические тенденции, спровоцировав драматическое и быстрое пробуждение великого и мощного этноса», которым является русский народ, при этом в рамках русского этноса русский национализм должен быть единственной и тотальной идеологией[14]. Сторонники евразийского подхода к национальному вопросу призывают не забывать о том, что евразийцы предупреждали: русский национализм просто великорусский сепаратизм, чисто русская Россия, которую хотят возродить, реально возможна в границах этнографической России. Согласно евразийской традиции национализм - это феномен, развитие которого обусловлено взаимодействием центризма и сепаратизма.

Как известно, в современной сложной этнополитической ситуации идеология национального экстремизма коснулась населения считавшихся спокойными регионов, в том числе, например, Бурятии. В республике, среди некоторой части бурятской интеллигенции, были выступления отдельных группировок с требованием особого статуса для титульной нации, с лозунгами «Бурятия для бурят», «За панмонгольское единство» и т.п. В ответ группы казаков на основании численного преимущества русских выдвинули требование изменить название республики. В частности, предлагалось название «Забайкальская республика».

Неизбежность «этнического ренессанса» в свое время была предсказана Н.С.Трубецким, считавшим, что общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, невозможна. Сторонники евразийской концепции национального вопроса правы, когда обращаются к понятию

«братство народов», о котором писал Н.С.Трубецкой в статье «Общевразийский национализм», когда разделяют его утверждения о том, что для российских народов важнее осознание принадлежности к евразийскому братству при сохранении самоидентификации. Это казалось и продолжает для некоторых казаться евразийской утопией. Для евразийцев было ясно, что судьбы народов бывшей Российской империи «прочно связались, - как пишет Н.С.Трубецкой, - в один громадный клубок, который уже нельзя распутать». Актуальным становится его указание на то, что воспитание «общевразийского национализма» – это «непечатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей», что "надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших»[15].

Сегодня главным вопросом, который тревожит интеллектуальную элиту России, является вопрос «Как жить дальше?» Поисками путей занимается социальная философия, учитывающая опыт и традиции европейской и американской социальной философии. Сейчас вспоминают – идею «открытого общества». Сторонники этой идеи в России считают, что учет особенностей каждого этноса в многонациональной стране слишком сложен, поэтому предлагается организация государства на рациональной основе, связанной с правами человека, свободой критики и т.п. В связи с этим следует отметить, что Дж.Сорос, всегда считавший себя сторонником этой идеи, в одной из своих работ пишет о том, что в России создано не «открытое общество», а «воцарилась система грабительского капитализма»[16].

В 60-70-е гг. XX в. на Западе наблюдался своеобразный этнический ренессанс, заставивший ученых отказаться от теории и идеологии ассимиляционного оптимизма и возвратиться к разработке этнических

проблем. Так, по мнению президента американского фонда Сахарова Эдварда Клайна, Соединенные Штаты также имеют свой комплекс этнической политики, движутся от модели «плавильного котла» к культурному многообразию, т.е. от их фундаментальной веры в ассимиляцию к принятию личной этнической автономии. По словам одного из теоретиков неоевразийства А.С.Панарина, сегодня «у России меньше шансов рассчитывать на эффект «плавильного котла»: процесс этносуверенизации активизировал национальное самосознание и культурную память народа».

На Западе приобрели большое значение исследования этнических процессов. Теория и практика этих исследований оказали влияние и на углубленное изучение этно-социальных явлений в различных регионах России. В настоящее время изменения касаются социально-экономических, социально-политических и этно-культурных компонентов наций. В современных условиях приобретает важное значение проблема менталитета, ментальности, которой в свое время уделяли особое внимание евразийцы, определяя ее как «психологический тип» (Н.С.Трубецкой), и которая в отечественной философской литературе начала разрабатываться недавно. Вместе с тем этой проблеме посвящаются круглые столы, симпозиумы и т.п., поскольку ментальность определяет идеалы, цели, традиции, социальные установки, стереотипы – все, что связывает и в известной степени унифицирует данную общность. Но ментальность это и то, что обособляет и даже противопоставляет данную общность по отношению к другим. Так, А.Я.Гуревич определяет ментальность как "уровень индивидуального и общественного сознания", как живую, изменчивую и при всем том обнаруживающую поразительно устойчивые контакты магму "жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроения, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному

обществу, и культурные традиции". Он утверждает, что понятие ментальности в известной степени заменимо понятием «картина мира»[17]. Современной литературой вводятся и такие понятия, как «культурная картина мира», «социальная картина мира» и даже «художественная картина мира». Вряд ли можно с этим согласиться. Картина мира – это обобщенное представление о мире, выработанное всей совокупностью наук и философией, интегрирующей данные конкретных наук.

Категорией, релевантной ментальности, являлась евразийская категория «психологического типа». Большое внимание ей уделял, в частности, Н.С.Трубецкой. Важной она стала и в неоевразийской литературе. По общему мнению исследователей, менталитет жителей России существенно отличается многими чертами евразийства от европейцев, американцев и даже многих славян. В частности, в работах А.С.Панарина, Н.И.Цимбаева и других подчеркивается, что пренебрегать менталитетом россиян нельзя, так как это чревато тяжелыми последствиями для судеб реформ в России, что необходимы дальнейшие научные исследования о влиянии евразийства на менталитет народов России. Современные евразийцы подчеркивают особый интерес к проблемам национальной ментальности. Она приобретает большое значение именно в переходные периоды жизни общества, когда происходят интенсивные процессы переоценки и осмысления существующих ценностей, определения государственных ориентиров, в том числе и в национальной политике. По мнению К.С.Гаджиева, «при определенных условиях происходящие ныне процессы могут стать отправным рубежом в государственном и духовном возрождении России, восстановлении единого государственного сознания и в то же время дальнейшем развитии национального самосознания многочисленных населяющих ее народов. Эти

два начала не только не исключают, а наоборот, предполагают друг друга»[18].

В концепции государственной национальной политики Российской Федерации основная цель государства в этой области была определена как обеспечение условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России, упрочение общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания его высшей ценностью. Евразийцы двадцатых годов были убеждены в том, что истинный народ должен быть лишен национального тщеславия, должен быть принципиально миролюбив и терпим по отношению ко всякой чужой самобытности. Тогда он будет улавливать во всяком другом народе черты, похожие на его собственные. "Последний евразиец" Л.Н.Гумилев первым стал много об этом писать. В современной России стало актуальным обоснование Н.С.Трубецким идеи евразийского национализма, которую он противопоставлял «ложному» национализму, проявлявшемуся, например, в великодержавном шовинизме так называемых исторических народов, не попавших в «обойму великих».

Преобразования последних лет создали благоприятные условия для национального возрождения, важное значение которому придавали первые евразийцы. Раскрытие содержания этносоциальных основ возрождения, общих и специфических тенденций развития этнополитической жизни в регионах является актуальным для многих гуманитарных наук. Российскими учеными национальное возрождение как этносоциальное явление стало исследоваться с середины 80-х годов XX века. Наибольший интерес вызвали работы Р.Г.Абдулатипова, М.Н.Губогло, Г.И.Королевой-Конопляной, Г.Т.Тавадова, В.А.Тишкова, Ю.А.Ургалкина. К рассмотрению этнических процессов эти авторы, как правило, подходят с позиций

междисциплинарного сотрудничества историков, социологов, этнографов, политологов, культурологов. Комплексный подход к изучению этносоциальных явлений можно считать продолжением евразийской методологии в современной науке.

Эти исследования и постсоветская практика показали, что в связи с тем, что культуры народов современной России неоднородны, их влияние на общественные процессы различно; что механическое перенесение западноевропейских, американских и других стандартов жизни на российскую почву далеко не всегда эффективно. Это объясняется спецификой российской культуры, своеобразием менталитета его населения, вытекающим из них «культурным сопротивлением» новациям. В условиях современного российского кризиса люди склонны искать утраченные ценности в «светлом прошлом», в том числе и в традиционном обществе. Это нашло свое отражение в том, что практически во всех национальных регионах продекларирована необходимость возрождения традиционной и этнической культур, утверждения и развития привычных в прошлом форм национального сознания.

Возникают вопросы о будущем традиционной культуры – надо ли ее «сохранять» или «разрушать»? В литературе подчеркивается, что эти проблемы не имеют простого решения. С одной стороны, потребности развития требуют повышения степени рациональности, т.е. «преодоления» традиционности. Но, с другой стороны, разрушение привычных для данного общества традиционных форм приводит к серьезным кризисам. Различные типы культур неоднозначно трактуются современной наукой. С одной стороны, преобладает точка зрения на Запад как на универсальную и образцовую модель общества и потому рассматривающая вестернизацию всего человечества как естественный процесс. С другой стороны, акцентируется внимание на типе культуры, отличающемся от западного,

утверждается, что он развивается по своей внутренней логике. Слабо проработаны проблемы менталитета и ментальных отличий, их связи с традиционной культурой, тенденции эволюции традиционной культуры в современных условиях, особенностей идентификации в различных типах культур и др. Особенно слабо эти вопросы изучены на региональном уровне, не стали самостоятельным предметом философского и культурологического анализа, были сужены до уровня этнографических описаний. Остаются слабо проработанными вопросы культурной преемственности в новых исторических условиях, корреляции традиционной культуры, традиционных ценностей с инновационными вариантами культуры и ценностей, вопрос об особенностях традиционной культуры в условиях сильного инокультурного влияния.

К анализу культур и культурных процессов обращались многие авторы. В отечественной науке примерно с 60-х годов XX в. исследования традиционной культуры, традиционности начинают оформляться в самостоятельное научное направление. Многие известные советские ученые в той или иной мере касаются проблем традиции. Особо хотелось бы отметить труды Ю.М.Лотмана, С.А.Арутюнова, С.И.Семенова, Э.С.Маркоряна, К.В.Чистова, И.В.Суханова и др., которые разрабатывали проблемы сущности традиций и традиционности, показали отдельные аспекты социально-культурного наследования, различия между «первичными» и «вторичными» традициями (Чистов К.В.) и т.п. Важное значение имеют работы по философии культуры (А.И.Арнольдов, Э.В.Ильенков, В.М.Межуев, А.К.Уледов и др.), в которых поставлены проблемы взаимосвязи культурного наследия и социального прогресса, духовной эволюции общества, культуры как системы духовного производства и др. Официальная идеология, в рамках которой работали эти и другие авторы, предполагала, что социалистический экономический

«базис» автоматически приведет к преобразованию «надстройки», а традиционная культура отомрет как досадный «пережиток».

Особенно важно, что в постсоветское время происходит переосмысление основ культуры и перспектив ее эволюции и в контексте евразийской мысли. Неоевразийцами в научный оборот вводятся новые актуальные проблемы: конфликт «новых» и «старых» ценностей, вопросы «целевых» ценностей Востока-Запада, цивилизационных отличий, перспектив духовности, менталитета, идентификации и роли в этом различных форм культуры. В этом направлении работают Б.С.Ерасов, Г.А.Югай, Г.Д.Гачев, С.А.Арутюнов, М.В.Иордан, А.С.Панарин, Н.А.Морозов и др. В частности, А.С.Панарин указывает на опасность игнорирования традиций: «Великая традиция – это способ интеграции этносов в цивилизационную общность, создающую большое пространство(общность ареала) и большое время(общность исторической судьбы). Цивилизационная теория ориентирует на «золотую середину» культуры, преодолевающую и крайность узкого национализма, и противоположную крайность обезличивающего вселенского униформизма»[19]. Он призывает вспомнить работы евразийцев, их заветы, например, то, о чем писал Н.С.Трубецкой: «между чересчур конкретным народом и чересчур отвлеченным человечеством лежит понятие «особый мир». Совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее(автарктическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства»[20].

Исследования неоевразийцев, посвященные указанной проблематике, достаточно полно отражены в трех выпусках специального научного альманаха «Цивилизации и культуры»(М., 1994-1996), объединенного главной темой «Россия и Восток». Важным является

указание одного из авторов, Б.С.Ерасова, на необходимость преодоления устойчивых парадигм исторического и общесоциологического мышления, основанных на универсализации западного цивилизационного опыта, определение задачи выяснения «цивилизационного статуса России, столь часто подвергаемого сомнению или вообще отрицаемого рядом современных российских мыслителей». Как подчеркивает Б.С.Ерасов, изучение темы «Россия и Восток» потребовало не только оценки евразийства 20-х годов, но и евразийства как «влиятельного направления современной идейной и научной жизни России и сопредельных стран». По его мнению, существует значительное различие между старым и новым евразийством. Оно «заключается прежде всего в том, что в условиях распада российской державы возникают и иные, альтернативные варианты цивилизационного устройства Евразии, - от российско-дальневосточного до чисто тюркского или китайского»[21]. Другим автором альманаха, Г.А.Югаем, так определяются основные принципы изучения цивилизационного устройства России, продолжающие идеи влиятельных русских мыслителей и задачи неоевразийства: «Основываясь на традициях тех культур, которые сложились в евразийском регионе, необходимо разрабатывать неоевразийскую концепцию, где самым приоритетным является обеспечение гармонии во взаимодействии трех основных начал – духовности, государственности и народности (национальности). В области идеологии нужны разработки общероссийской интегрирующей идеологии на основе развития идеи соборности, ненасилия и приоритета духовности. В отличие от прежнего понимания интернационализма, в котором недооценивался национальный момент, разработка неоевразийской идеологии соборности продолжает те традиции российских культур – и не только собственно русской, - в которых признавалось равноправие культур малых и больших народов России, единство в многообразии. В этом состоит

принципиальное отличие русской идеи соборности от нынешнего национал-патриотизма, признающего исключительность избранных наций, и от западнического либерализма, отрицающего своеобразие национальных культур, настаивающем на их полной вестернизации"[22]. Таким образом, классическое и современное евразийство объединяет концептуальное единство и, прежде всего, подчеркивание приоритетности духовности.

В поисках путей выхода из кризиса современной культуры в общественном сознании укрепляется идея, что основополагающим средством преодоления этого кризиса является совершенствование духовного мира человека, системы ценностей. На этом фоне взгляды государственных деятелей, политиков, деятелей культуры, философов и ученых все чаще обращаются в сторону традиционных, существовавших на протяжении долгого исторического периода институтов и, прежде всего, институтов религии и церкви. Как известно, в советский период много писалось о классово-идеологическом содержании религии, ее иррациональности и т.д. В настоящее время оценка социальной роли и функции религии радикально изменились. По данным исследований Российского независимого института социальных и национальных проблем, 39% опрошенного взрослого населения назвали себя верующими, колеблющимися между верой и неверием 27% (Наука и религия, 1993, № 5). Религия осмысливается как вечный, непреходящий, исторически закономерный институт, который играет значительную роль в жизни человека, утверждая приоритет духовности над экономическими, социальными, эстетическими и иными ценностями.

Это осмысление также соотносится с утверждениями евразийцев о том, что институтом влияния на духовный мир человека является институт церкви, что для реализации этой своей функции за многовековую историю церковь накопила огромный потенциал. Как ранее отмечалось, евразийцы,

признавая большое влияние «силы Религии», считали ее базисом культуры и государства. Современная социальная философия признает важность этой евразийской традиции. В работах неоевразийцев вопросам религиозного возрождения уделяется большое внимание и отмечается его неоднозначность. Можно согласиться с тем, что пишет Б.С.Ерасов: «В условиях распада государственных институтов и социальных структур религия естественно принимает на себя прежде всего функции стабилизации и интеграции «своего» общества. В этом ее «фундаментальная» задача, с которой она так или иначе справлялась на протяжении веков. Поэтому реформирование религии, ее приспособление к процессам модернизации отступает на второй план: это та роскошь, которую общество сможет позволить себе после обретения стабильности. Но религиозный механизм стабилизации слишком обременителен для общества в современном мире, так как он неизбежно становится фактором межконфессиональных противоречий и застоя»[23].

Последнее время евразийство все больше оценивается и привлекает как важное геополитическое движение. Одна из первых таких оценок принадлежит А.Дугину, работу которого "Основы геополитики. Геополитическое будущее России" можно назвать одним из самых заметных явлений в литературе последних лет. Он указывает, что никто из исследователей евразийства не обратил внимания на то обстоятельство, что именно евразийцы были первыми русскими авторами, которые начали употреблять термин «геополитика». По его мнению, Петра Савицкого следует назвать первым русским геополитиком в полном смысле этого слова.

Опубликованные только недавно статьи П.Н.Савицкого «Географический обзор России – Евразии», «Географические и геополитические основы евразийства», «Геополитические заметки по

русской истории», «Миграция культуры», «Очерки международных отношений», «Континент – океан» и др. стали предметом обсуждения среди современных российских геополитиков. Неоевразийцами принимаются и развиваются рассуждения Г.В.Вернадского о том, что мистическая тяга к обладанию своим жизненным пространством побуждает народы к переселениям, миграциям, мирным колонизациям новых территорий, к справедливым, оборонительным войнам. По Вернадскому, наблюдаемое на протяжении всей отечественной истории непрерывное стремление русского народа как на запад, так и «против солнца» обуславливалось внутренней логикой «месторазвития».

Современные сторонники «третьего пути», предложенного евразийцами, считают, что ландшафт Евразии в большей степени, нежели ландшафт Западной Европы, сохранивший возможность для построения своеобразной цивилизации (отличной от американско-европейской), служит основой для движения по, так называемому, «третьему пути», который выбрали некоторые азиатские страны и который позволяет соединить совершенные сверхвысокие технологии с опорой на национальные традиции каждой страны. Идея "третьего пути" все больше обосновывается тем, что геополитические интересы России простираются на Запад и Восток, причем последний имеет даже большее значение

А.С.Панарин, полемизируя с «неозападниками» по этому поводу, обращает внимание: «Россия в конце XX века произвела над собой новый колоссальный эксперимент: она попыталась мигрировать из «евразийского» пространства в западноевропейское – в поисках благополучия и процветания. Со времени провозглашенного «возвращения в европейский дом» прошло не более десяти лет, а подводить итоги уже приходится: возвращение не состоялось». Указывая внешние и внутренние причины того, что очередная западническая фаза политико-исторического развития

России невиданно быстро подошла к своему концу, он констатирует: «Сегодня Россия стоит на перепутье: упорствовать ли ей и дальше в своих попытках достучаться в европейский дом или круто повернуть в противоположную сторону, на Восток. Соответствующий раскол среди элиты сегодня уже явно намечился. Сегодня Восток соблазняет не только экзотикой и духовной таинственностью. Есть еще и динамичный Дальний, тихоокеанский Восток, обгоняющий Запад по его же, Запада, критериям: темпам экономического и научно-технического роста, уровню жизни, рациональной организации»[24].

В своей монографии «Россия в цивилизационном процессе» А.С.Панарин многие важные моменты современной реформационной рефлексии, вопросы государственно-геополитической и национально-культурной идентичности России рассматривает в контексте евразийских традиций. Важно его уточнение о том, что евразийская геополитика упирается в проблемы социальной антропологии. Если прежний российско-евразийский социальный тип сохранился и воспроизводится в новых поколениях, то сохранится, в конечном счете, (в обновленных, разумеется, формах) и большая российско-евразийская государственность. У А.С.Панарина можно найти прямые параллели с идеями Н.Н.Алексеева. Так, он считает, что перед лицом западного вызова России необходима идея евразийского федерализма: не государств – государство должно быть единым, а гражданских обществ – регионов, сочетающих демократические принципы автономии с цивилизационным принципом единого пространства. Единое пространство конституционно-правовое, экономическое, информационно-образовательное, научно-техническое и т.д. Вместо федерации наций (этносов) должна строиться федерация штатов-регионов, объединяющих местное население безотносительно к этнической принадлежности.

А.С.Панарин предлагает свое решение узла проблем нового «русского вопроса», «русской идеи» исходя из того, что Россия остается симбиозом народов, синтезом различных культур, родившем во многом общее мировосприятие и общий образ жизни. Показательна критика той части нынешней политической элиты, которая привержена западничеству: «Демократы» – западники разрывают единое евразийское пространство, намереваясь выделить из него привилегированную часть, предназначенную для вхождения в «европейский дом», и отсечь остальное, обремененное грузом азиатской наследственности. Ясно, что все это – ревизия большой русской идеи в Евразии и цивилизационной идеи вообще. Русская идея в Евразии была связана с мессионизмом - готовностью взять на себя груз ответственности за состояние этой части ойкумены.

Неоевразийцы продолжают рассматривать в традициях евразийской социально-культурной концепции Россию-Евразию как особый цивилизационный тип, особый этнографический мир, который должен вступить на новый путь развития, не подражая Западу. Этот путь, определенный как «евразийский сценарий», противопоставлен «атлантическому сценарию», который предлагает современное неозападничество. «Неозападничество», как известно, имеет достаточно широкую базу. Основное положение этого направления ярко выражено во мнении о том, что: «Не Европа, вернее, не совсем Европа – Россия не является и не может быть азиатской страной, несмотря на все попытки наших «евразийцев» доказать обратное... Но главная причина того, почему попытка толкнуть Россию в Азию обречена, заключена в геополитике. В Азии у нас нет естественных союзников...»[25].

В категоричной форме современное антизападничество нашло отражение в статье Ю.Бородая «Третий путь»: «Ирония истории заключается в том, что в незатронутых всеразрушающей «цивилизующей

функцией «дальневосточных «резервациях», отстоявших свою самобытность, творческий потенциал полупервобытного кустаря, сохранившего общинно-семейные навыки социальной жизни, оказывается сейчас гораздо лучше приспособленным к новейшим технологиям. Будущее не за Западом, а за Востоком. Закат Европы уже на наших глазах становится реальностью. Так почему мы и теперь должны ориентироваться только на трафаретные западные пути? Они ведут в пропасть»[26].

Видение будущего России, ее третьего пути, в контексте евразийского и неоевразийского обрамления «русской идеи», завоевывает популярность не только на уровне теоретического сознания. Показательна статья Н.Михалкова «Мост между Европой и Азией», в которой выражена тревога по поводу того, что иллюзия европейской модели существования России становится государственной доктриной, очередным заблуждением «увлекающейся интеллигенции». «У нас был, есть и, думаю, будет свой путь – евразийский» - пишет один из самых известных людей России. Говоря о том, что «материализация» теории евразийства не состоялась, и подчеркивая, что благотворные идеи евразийства способны воплотиться в реальность, Н.Михалков считает, что в первую очередь это касается культуры: «Ведь Россия, представляющая собой не национальное, а государственное образование, сложилась и стала «Востоком-Западом» (Евразией), впитав в себя ценности национальных и этнических культур населяющих ее народов. Из этого не следует, что нужно отворотиться от Европы и броситься в Азию. Вообще не нужно вертеться. Следует просто и ясно вспомнить, кем мы были, понять, кто мы есть, и занять свое место». Он подчеркивает, что «мы, россияне, в глубинной своей сути не славянофилы и народники (как принято еще думать) и не западники (как бы того многим не хотелось). Мы евразийцы, люди, для которых священо творческое

значение самодержавной человеческой личности, люди, которые помнят свою историю, любят свою землю»[27].

Интересна точка зрения академика Д.С.Лихачева, представленная в статье "О русской интеллигенции". «Евразийство за последние годы приобретает у нас мракобесный, черный характер, - пишет академик. - На самом же деле Россия – это некая Евразия. Если смотреть на Россию с Запада, то она конечно, лежит между Западом и Востоком. Но это чисто географическая точка зрения, я бы даже сказал – картографическая». По мнению Лихачева, Запад от Востока отделяет разность культур, а не условная граница, проведенная по карте, и Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой. Он считает, что кочевники Востока и южных степей Руси очень мало внесли в создание Руси, даже когда оседали в пределах русских княжеств в качестве наемной силы: «Речь идет вовсе не о военных союзах, а об истоках русской национальной культуры. Истоки эти у России и Востока разные, это так, но это вовсе не отрицает, а скорее обуславливает сегодняшнюю необходимость взаимопонимания и взаимопомощи. Именно в этом, а не в другом каком-то смысле должна пониматься ныне идея Евразийства»[28].

Современные критики евразийства и неоевразийства считают, что одним из главных недостатков этого движения было антиисторическое понимание и толкование истории. По их мнению, говоря о губительности для России заимствований с Запада, евразийцы перечеркнули практически всю культуру в ее высших послепушкинских проявлениях. В литературе последних лет, посвященных азиатскому акценту евразийцев, неоевразийцев, много критических замечаний. Один из критиков неоевразийства Б.Парамонов считает, что нынешнее евразийство возникло, «как некая невротическая реакция; невроз – это всегда регресс, в данном случае – то, что в психоанализе называется «побег в материнскую утробу»».

Отсюда – антиисторизм, противостояние Западу, в сущности – внешнему миру как таковому, подмена истории географией, понимаемой как некое «родное место», та же «утроба»; это – биологическая растительная фантазия, желание быть не человеком, а деревом, а если человеком – до грехопадения, жителем райского сада. Еще раз повторяю: нынешнее евразийство – это понятная реакция, но реакция, она лишена перспективы, она принципиально отвергает само понятие перспективы, то есть жизни»[29]. Согласиться с этим трудно. Развитие евразийских идей в новых исторических условиях говорит об обратном. Подтверждением этому являются международные научные конференции "Евразийство. Историко-культурное наследие и перспективы развития", «Межкультурный диалог на евразийском пространстве», состоявшиеся в г.Уфе в сентябре 2000г. и в сентябре 2002г. На них подчеркивалось, что особенностью современного евразийства является стремление глубже узнать и понять сходства и различия в культуре, быте, менталитете народов, населяющих Евразию, попытка объяснить значение и смысл связи прошлого и настоящего в социально-политической и культурной жизни народов субконтинента. Современное неоевразийство не только противостояние Западу, западной модели развития и западной культуре. Самой сильной ее стороной является создание российской геополитической доктрины, геополитики как мировоззрения. В основе этого мировоззрения лежит евразийский тезис о том, что Россия – ни Восток, ни Запад, ни Европа, ни Азия, но Евразия. Этой формулой продолжает определяться культурно-историческая сущность России, ее идентичность, пути и перспективы ее развития. Современное евразийство как мышление, мировоззрение, научную концепцию следует признать не только гарантом важной стабильности в Евразии, более того, по словам Н.Моисеева, - фундаментом планетарной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. - М., 1993. - С. 28.
2. См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. - М., 1992. - С. 296.
3. См.: *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. – М., 1997. - С. 291.
4. П.Н.Савицкий, отвечая на обвинения в "географическом детерминизме", писал, что "утверждение понятия "месторазвитие" не равнозначуще проповеданию "географического материализма". Это последнее имя подходило бы к системе "географического монизма", которая все явления человеческой истории и жизни возводила бы к географическим началам. Концепция "месторазвития" сочетается с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, с выделением, наряду с географическим, самобытного и ни к чему не сводимого духовного начала жизни". См. в кн. "Континент Евразия", с.292..
5. См. *Гумилев Л.Н.* От Руси к России, с.134.
6. См.: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. – М., 1993. – С. 48.
7. Там же, с. 55.
8. См.: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии, с.31.
9. См.: *День*, 1992, № 15, с.2.
10. См.: *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. - София, 1920.
11. См.: *Ильин И.А.* Собр. соч. в десяти томах. – М.,1983.-Т.2. Кн.1.-С.304.
12. См.: *Солоневич И.Л.* Народная монархия. – М., 1991. – С. 126.
13. См.: *Гелнер Э.* Нация и национализм. – М., 1991.
14. См.: *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – С. 248.
15. См.: *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология.-М.:Наука,1993.-С.98
16. См.: *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. – М.: Магистр, 1997. – С. 4.

17. См.: *Гуревич А.Я.* 50/50: опыт словаря нового мышления. – М., 1989. – С. 454.
18. См.: *Гаджиев К.С.* Базовые принципы и пути преобразования российской политической культуры // *Цивилизации и культуры*, вып. 3, 1996, с.130.
19. См.: *Панарин А.С.* Похищение России // Москва. – 1997. - № 1.– С. 150.
20. См.: *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 441.
21. См.: *Ерасов Б.С.* Цивилизационная теория и евразийские исследования // *Цивилизации и культуры*, 1996, вып.3, с.3.
22. См.: *Югай Г.А.* Евразийский путь российской цивилизации// *Цивилизации и культуры*, 1996, вып.3, с.151.
23. См.: *Ерасов Б.С.* Этническое-национальное-цивилизационное в пространстве Евразии // *Цивилизации и культуры*, 1995, вып.2, с.97.
24. См.: *Панарин А.С.* Похищение России // Москва. – 1997. -№ 1. – С. 147.
25. См.: *Владиславлев А., Караганов С.* Тяжкий крест России // *Независимая газета*. – 1992. – 17 ноября.
26. См.: *Бородай Ю.* Третий путь // *Наш современник*. – 1992. - № 9. – С. 147.
27. См.: *Михалков Н.С.* Мост между Европой и Азией // *Правда*. – 1991. – 7ноября.
28. См.: *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции // *Новый мир*. – 1993. - №2. – С.8-9.
29. См.: *Парамонов Б.* Советское евразийство // *Звезда*.-1992.-№4.-С.195-199.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Евразийство внесло особый вклад в развитие русской социально-философской мысли. Оно не только сыграло свою роль в поисках ответов на многие вопросы современности, но и определило круг новых вопросов. Оценивая значение их деятельности, Г.П.Федотов признавал, что «кое-что эмиграция все-таки дала... Это новое исчерпывается несколькими книгами религиозной философии и – евразийством. ...Теперь, когда оно как политическое течение умерло, можно беспристрастно оценить тот вклад в науку о России, которое оно внесло» и подчеркивал: «нужно признать значительность новых проблем, поставленных им»[1].

Исследователей евразийства прежде всего привлекали и продолжают привлекать антизападные позиции лидеров евразийства, их стремление преодолеть европоцентристскую схему культурно-исторического развития, их убежденность в том, что Запад не может стать искомым образцом. Евразийство возникло, когда судьба России стала очередной раз предметом историософского осмысления, когда с новой силой разгорелся спор между "западниками" и "постславянофилами". Евразийское учение можно считать ответом на призыв Н.А.Бердяева, который подчеркивал: "Мы уже не славянофилы и не западники. Наша национальная мысль должна творчески работать над новой славянской идеей".

В настоящее время антизападничество евразийцев требует более глубокого анализа. Оно представляло сложное явление. Изучение евразийской литературы позволяет говорить о том, что, безусловно, первой составляющей была критика Запада за его притязания на универсальный характер европейской культуры, которая не плоха сама по себе. Вторая,

более важная, составляющая часть антизападничества - критика слепого подражательства. В-третьих, евразийцы резко выступали против механического насаждения ценностей европейской культуры, против ее агрессивности по отношению к другим культурам, которая приводит к утрате самобытности и, самое главное, забвению высших духовных ценностей православия.

Не всеми исследователями замечается то, что, резко выступая против Европы, полностью игнорировать Запад евразийцы не стремились. Не вызывает сомнения, что, живя в Европе, лидеры евразийства осознавали не только опасность культурной, экономической экспансии Запада, но и осознавали экономическую, историческую, культурную периферийность России в сложившейся системе мировых отношений. Они понимали иллюзорность европоцентризма и видели, что Запад никогда не считал и не будет считать Россию европейской страной. Таким образом, антизападничество сформировало евразийский центризм. Концепция «евразийского центризма» сыграла особую роль в развитии отечественной философии и стала заметным достижением русской общественной мысли.

Вопрос о влиянии монголо-татарского ига на ход русской истории занял одно из центральных мест в евразийских работах, которые можно считать истоками исторической политологии. Участие академика В.В.Бартольда в разработке этой проблемы подтвердило утверждение евразийцев о несостоятельности бытовавшего мнения о низкой культуре монголов или отсутствии у них культуры, о только отрицательных последствиях так называемого ига. Поэтому следует признать некорректность обвинения «в незнании евразийцами русской истории», что их выводы «противоречат историческим фактам[2].

Одностороннее представление о Монгольской империи до сих пор остается преобладающим. После евразийцев только Л.Н.Гумилев дал

объективную оценку наследию Чингисхана, во многом совпавшую с их взглядами. Особого внимания заслуживают выводы евразийцев о том, что монголы были также наследниками древней евразийской культуры, что их терпимость стала одной из основ взаимовлияния русской и восточной культур.

Для евразийцев важным явилось не только рассмотрение судьбы унаследованной от Византии политической идеи самодержавия, но и акцентирование внимания на том, что византийская культура по своему происхождению евразийская – наследница более древней евразийской культуры.

В последнее время начато осмысление евразийского понимания цивилизационной сущности России, обусловленной "месторазвитием". Можно говорить о том, что появляется все больше сторонников идеи «третьего пути». Следует признать, что евразийцы правы в том, что начало этого пути было определено восточными истоками культуры и государственности; что до тех пор, пока Русь была близка к Востоку, состояние ее государственности было цветущим. Даже самый болезненный контакт для Руси – татаро-монгольское иго обогатил этнически и оформил государственность. А принцип веротерпимости, воспринятый во многом от татаро-монголов, лояльно относившихся к православию и успешно примененный в XVI веке к покоренным татарам и добровольно присоединившимся инородцам, способствовал превращению России в уникальное многонациональное и многоконфессиональное государство.

Лидеры евразийства ввели в научный оборот понятие личности - "евразийской нации". Оппоненты в прошлом и настоящем считали положение о гипотетической нации одним из слабых мест в евразийской доктрине. Но одна из современных молодых наук - социоестественная история признает, что народы евразийского вмещающего ландшафта

обречены на слияние в суперэтнос с едиными представлениями о ценностях, с единым хозяйственным пространством и языком. Очевидна важность и перспективность дальнейших исследований в этом направлении. Работы Л.Н.Гумилева являются ярким подтверждением этому.

Евразийское учение о культуре становится важной частью современного гуманитарного знания. Парадигмы теории культуры в той или иной мере получили отражение в литературе. В основном они рассматриваются в контексте евразийского антизападничества. Духовная культура определялась силой православной религии. Евразийцы верили, что будущее России связано с новой религиозной эпохой. Как показывает современная жизнь, это предчувствие, как и другие, было пророческим. Интересно, что для неоевразийства характерна даже еще большая абсолютизация роли православия. Такой авторитетный геополитик, как А.Дугин, считает вполне возможным «тотальное воцерковление русских и превращение всех культурных институтов в продолжение Единой Церкви, не в организационно-административном, но в духовном, интеллектуально-этическом плане»[3].

В сложившейся в их время социальной ситуации евразийцы, абсолютизируя функции церкви в духовной жизни, абсолютизировали роль государства в других сферах. Их утверждение о необходимости формирования мощной дееспособной государственности в наши дни обретает новую жизненную силу. Они предложили конкретное решение этой проблемы, выдвинув идею отбора «правлящего слоя», вышедшего из народа и связанного с ним, объединенного единым мировоззрением. Эта идея приобрела новую актуальность в наше время. Сейчас, когда формируется новая политическая культура и формы власти, значение политической элиты возрастает. В нынешней российской действительности имеет свое рациональное зерно возведение идеократии в ранг абсолюта.

Современные теоретики евразийства подчеркивают особый интерес к проблемам государственности.

Большое распространение евразийские мысли получили сегодня в современной политике, политологии и политической публицистике России. Интересно, что их используют в своих программах общественно-политические движения и партии диаметрально противоположной ориентации – от радикально-демократической до радикально-правой. В настоящий момент в нашей стране существует несколько вариантов евразийской политической идеологии различных оттенков: либеральное евразийство, евразийство неокommунистического толка; «континентальный евразийский эзотеризм», политические идеалы которого близки к идеалам бельгийского геополитика Жана Тириара (А.Дугин, В.Штеп и др.); евразийство исламического толка, видящего в исламе «последний шанс для России» (Г.Джемаль). Все это далеко от того, что задумывалось П.Савицким, Л.Карсавиным и Н.Трубецким, в то же время среди модификаций неоевразийской идеологии встречаются интересные и плодотворные направления.

Сегодня, когда возникла опасность возрастания действия центробежных сил, все актуальней становится необходимость вновь осмыслить историко-культурный и этнополитический аспект общего прошлого народов континентальной Евразии и вспомнить евразийский завет о том, что для будущего России-Евразии, по словам П.Н.Савицкого, "необходимо восполнить и закончить дело, начатое Петром, то есть вслед за тактически необходимым поворотом к Европе совершить органический поворот к Азии".

Евразийцы стали пионерами российской геополитики. Сейчас геополитика определяется как наука будущего, связанная со многими другими: географией, историей, этнографией, религиоведением,

социологией, демографией и т.д.; как мировоззрение; как наука о власти и для власти. Появление геополитической доктрины евразийства было закономерно благодаря его философскому и научно-культурному потенциалу, широте и глубине мировоззрения его лидеров, знакомству с работами пионеров европейской геополитики. Можно только согласиться с оценкой С.Ключникова: «Конечно, нельзя считать евразийство неким универсальным учением, дающим ответы на все вопросы жизни. Но даже если в какой-то степени согласиться с Г.Флоровским, что в евразийстве преобладает «правда вопросов» над «правдой ответов», то и в этом случае остается удивляться, насколько верно и точно эти вопросы поставлены. Именно это позволяет надеяться, что значение евразийства как живой национальной идеологии в будущем будет все больше возрастать»[4].

Евразийство доказательство того, что русская философия, по точному определению Ф.А. Степуна, "никогда не была чистой, т.е. отвлеченною мыслью, а всегда лишь мыслью, углубленной жизнью"[5]. Самое главное, евразийские идеи можно считать возможной платформой объединения народов России в современной сложной этнополитической ситуации. Многогранное наследие самобытного течения русской мысли явилось базой для появления и развития в России не только геополитики, но и целого ряда наук: этнологии, этнопсихологии, этнолингвистики, социоестественной истории. Осмысление богатого литературного наследия, прежде всего лидеров движения: Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого (по определению А.Г. Дугина, "евразийских Маркса и Энгельса"), в наше время привело к появлению постевразийства, неоевразийства. Современное евразийство (или, как часто называют, постевразийство), сохраняя традицию классического евразийства, представляет собой особое мышление, способное влиять на выбор пути развития России, ее выхода из кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (избр. ст. по философии русской истории и культуры). – СПб. София, 1991. – С.194.
2. См.: Евразийство: за и против, вчера и сегодня // Вопросы философии. – 1995. – № 6.
3. См.: *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. - М. 1997,-С.256.
4. См.: Русский узел евразийства, с.10.
5. См.: *Степун Ф.А.* Мысли о России // Чаемая Россия, с.91.

АННОТАЦИЯ

В монографии С.М.Соколова «Философия русского зарубежья: евразийство» рассмотрены достижения одного из серьезных идейных движений мыслителей-эмигрантов начала XX века, вошедшего в историю как евразийство.

Дается оценка современному евразийству, его значимости в наши дни. Материалы монографии используются самим автором в разработанном им спецкурсе «Философия русского зарубежья: евразийство», читаемом в Восточно-Сибирском государственном технологическом университете. Они могут быть использованы также в курсах по культурологии, политологии, социологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийство, славянофилы, западники, неоевразийство, народы, Россия, «симфоническая личность», туранский элемент, Восток, Запад, Евразия, Европа, культура, история, православие, эмиграция, геополитика, русская философия, евразийцы, Византия